

Автор выражает свою глубокую признательность профессору Июкогамского университета Сергею Владимировичу Брагинскому за многочасовые дискуссии при подготовке этой работы, а также коллегам по ЭПИцентру за плодотворное обсуждение и ценные рекомендации.

Благодарю также профессора Амстердамского университета Майкла Элмана, профессора Нью-Йоркской Новой Школы Социальных Исследований Лэнса Тэйлора, профессора Гарвардского университета Яноша Корнаи и профессора Исследовательского Центра в Швеции Андерса Ослунда за критические замечания и советы, высказанные по рукописи настоящей работы.

К читателю

Стремительные политические события в нашей стране не позволяют сейчас в достаточной степени углубить целый ряд положений работы. Однако я полагаю, что высказанные в ней идеи могут оказаться полезными уже в ближайшее время. Приношу свои извинения за несовершенство редакции и сложность изложения. Буду благодарен всякому суждению научной критики.

Г.Явлинский

15 ноября 1993 года

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Часть I.	
САМОРАЗВИВАЮЩИЙСЯ ПРОЦЕСС	
1.1. Проблема «собственник - директор»	9
1.2. Искажение в относительных ценах, технология и структура рынка.	19
1.3. Макроэкономика и деньги	29
1.4. Издержки открытия экономики	42
1.5. Некоторые специфические геополитические факторы	47
Часть II.	
ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ	
2.1. Провал Рынка или Правительства?	51
2.2. Эффективный собственник	58
2.3. Промышленная политика и государственные инвестиции	63
2.4. Банковская система, деньги и сбережения	72
2.5. Полуповорот во внешнеэкономической деятельности	77
2.6. Российская Федерация и СНГ	83
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Необходимость нового теоретического подхода	88
Совет советникам	91
ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ	96

ВВЕДЕНИЕ

Общепринятое представление о российской экономике состоит в том, что она была очень серьезно искажена десятилетиями сверхцентрализованного экономического планирования и управления и для того, чтобы это исправить, главным было и остается применение того, что у нас называется «шоковой терапией».* При этом в качестве основной задачи выдвигается немедленное создание такой экономической среды, которая более или менее существует во всех развитых странах, а затем предоставить рыночным силам сработать в этой среде в направлении экономической эффективности и, в конечном счете, социальной справедливости.

Создание подходящей экономической среды в настоящее время больше всего понимается в либералистском духе. Государство должно прекратить управление экономикой в максимально возможной степени, освободить цены, создать стимулы для производителей, устранить избыток спроса, а все остальное предоставить свободной экономической деятельности. Одна только сфера требует активного государственного

---

* В действительности никакой «шоковой терапии» правительство не применяло. «Шок» произошел оттого, что к российской действительности была попытка применения широко известной теоретической доктрины *Laissez-Faire* (франц. = «разрешается делать»). Это - доктрина, требующая минимизировать вмешательство правительства в экономику и бизнес. Адам Смит в своей работе «Богатство народов» (1776 год) описывал *Laissez-Faire* как «невидимую руку», которая принесет всем максимальное благополучие, если предприниматели будут добиваться прибыли так, как им хочется. Считается, что развитие промышленности Англии в начале 19 века и промышленный рост в Америке в конце 19 века произошли в условиях капиталистического *Laissez-Faire*. Период *Laissez-Faire* завершился в начале 20 века, когда активная монополизация и регулирование правительством условий предпринимательства и экономики стали нормой. Применительно к нашей работе мы называем следование этой доктрине чаще всего «саморазвивающимся процессом» либо «вульгарным либерализмом».

вмешательства, - это достижение финансовой стабилизации. Иногда также упоминается о роли государства в приватизации и демонополизации. Однако, детально эта сторона дела не программируется, что представляет собой достаточно разительный контраст с макроэкономической частью. Необходимые структурные изменения в экономике, как предполагается, будут также достигнуты с помощью свободной игры сил спроса и предложения, ограниченных только жесткими макроэкономическими бюджетными рамками. Вот так мы можем описать господствующий подход к реформированию экономики, официально принятый в России с января 1992 г. и положительно встреченный многими западными экспертами.

Мы можем проанализировать этот подход в двух смыслах. С идеологической точки зрения все это действительно заслуживает высокой оценки. В конце концов впервые за 70 лет у нас нет госплана, никто не пишет пятилеток и т.п. Степень экономической свободы, данная индивидуумам, является беспрецедентной в советской истории. Свободные индивидуумы сразу же стали заполнять вакансии предыдущей экономической системы, на которые раньше вообще никто не обращал внимания: торговля, услуги, общественное питание и т.д. Это создало более энергичную общественную атмосферу. В конце концов, с либералами или без них, достаточно просто оставить людей в покое и дать им возможность самим находить средства к существованию, чтобы получить результаты, о которых нельзя было даже помыслить в тоталитарном государстве. Именно это сравнение с экономическими и политическими ужасами тоталитарного государства заставляет многих людей в России и на Западе высоко оценивать реформы 1992 года. И мы присоединяемся к ним.

Но с профессиональной точки зрения все это должно быть

подвергнуто достаточно серьезному критическому анализу. Каковы бы ни были реальные или мнимые достижения, по крайней мере с точки зрения того, что можно и должно быть сделано, общие результаты могут быть оценены как крайне неудовлетворительные.

В последнее время все большему числу профессиональных экономистов становится все более и более ясно, что весь подход к реформам с чисто экономической и профессиональной точки зрения был провалом от начала и до конца.*

Одна из очевидных причин неудачи российского либералистского подхода образца 1992 года на взгляд профессионалов состоит в том, что будучи нереалистичным, он не был претворен в жизнь в мало-мальски полном объеме, постоянно размываясь различными как неизбежными, так и искусственными компромиссами.

Но есть и более глубокие причины неудачи, которые заложены в самом подходе, и именно на это я бы хотел обратить особое внимание.

Российская экономика не была повреждена или искажена командной централизацией, она была создана ею. В частности, из этого следует, что перед нами супермонополярная система, в которой деньги играли лишь третьестепенную учетную роль, а макроэкономическое регулирование было заменено командами и планами, а также прямым административным контролем. Поэтому задача для реформаторов состоит не в том, чтобы что-то поправить или либерализовать. У нас несопоставимо более сложная задача.

---

* Между такими авторитетами как Я.Корнаи, Л.Тейлор, М.Элман и др. по этому поводу сегодня уже наблюдается практически полное единодушие. Не следует, однако, забывать о том, что и в нашей стране не все были готовы согласиться с такого типа либералистским подходом даже в самом его начале.

Нам нужно создать совершенно новую экономику и сделать это, сохраняя жизнь и достоинство 150 млн. граждан, которых нельзя отправить в космическое пространство, чтобы они там подождали, пока будет построен их новый дом. Подход по типу «шоковой терапии» ставит своей задачей, чтобы экономические агенты сразу, в один день начали сами строить новую экономику. Это - идеологическая догма, сохраняющая в наших условиях все многочисленные реликты бюрократического регулирования, которые остаются законсервированными в экономической практике именно в силу того, что правительство с самого начала пытается полностью освободить себя от экономического регулирования процесса трансформации. Появляющийся в результате этого вакуум немедленно заполняется чем-то, что зачастую еще хуже, чем прежние органы управления.

Действительно, можно согласиться с тем, что коррупция и взяточничество в органах власти, так же как и незаинтересованность власти в быстром развитии частного сектора, сужают сферу эффективного регулирования. Но тот процесс, который мы в дальнейшем будем называть «саморазвивающимся процессом перехода к рыночной экономике», протекает не только очень медленно и болезненно, но и имеет, как оказалось, такие побочные эффекты, как разрушение законности и порядка, резкое социальное расслоение, основанное не на истинной рыночной ценности индивидуумов, но на том, насколько они имеют доступ к бюрократическим рычагам или специальной информации, как продолжающиеся перекосы в распределении ресурсов, поскольку нет верных сигналов от конкурентных рынков и пр.

Какая-то разновидность рыночной экономики, безусловно, в конце концов появится на свет даже с помощью такого

процесса, но вряд ли эта экономика будет эффективной или социально справедливой. А в некоторых случаях, как показывает опыт ряда постсоциалистических стран, включая некоторые республики бывшего Советского Союза, побочные эффекты могут быть настолько сильны, что задавят позитивные элементы трансформации.

В любом случае, в такой высоко индустриальной, милитаризированной стране как Россия эксперимент в духе вульгарно-либерального шока является крайне опасным и безответственным.

Мы считаем и считали правильным другой подход, при котором рациональное дерегулирование, т.е. уход правительства из сферы управления и контроля в экономике, будет сопровождаться, а в некоторых сферах предваряться и направляться сознательной политикой экономической трансформации, сформированной государством. Условия для этой целенаправленной трансформации резко ухудшились на протяжении последних нескольких лет. Тем не менее, поскольку к счастью Россия еще не погрузилась в пучину гражданского конфликта, эта возможность сохраняется и во второй части этой работы мы попытаемся представить некоторые рекомендации относительно такой сознательной политики трансформации, которая могла бы быть возможной даже в нынешних обстоятельствах.

В первой части работы мы попытаемся объяснить в неортодоксальной манере, что произошло в российской экономике за последние годы, которые характеризовались неадекватным политическим замыслом и в результате протекли, в основном, в качестве саморазвивающегося процесса экономической эволюции.

Часть I.

САМОРАЗВИВАЮЩИЙСЯ ПРОЦЕСС

Пока экономисты дискутировали как подойти к реформам и предпринимали разные неудачные попытки, создание нового типа экономики происходило медленно, но неотвратно снизу. Спустя пять-шесть лет после начала этого процесса, пожалуй, стоит остановиться на минуту для того, чтобы попытаться обобщить то, что произошло, и понять, куда же все-таки нас привело экономическое развитие, основанное на этом стихийном неуправляемом переходе к рынку.*

1.1. Проблема «собственник - директор»

Многие серьезные экономисты (*например, Л.Тейлор*) отмечают проблему противоречия между **собственником и директором** на государственных и частных предприятиях. Этот вопрос требует очень большого внимания. В частности, у нас есть серьезные сомнения относительно стандартных взглядов на то, как эта проблема решалась в отношении бывших государственных предприятий в экономиках переходного периода. Конечно, нельзя всерьез относиться к взглядам, что при социализме собственником был народ, как утверждала официальная пропаганда. Концепция фирмы, которая управляется самим трудом, т.е. трудовым коллективом, популярная в некоторых научных исследованиях, была тоже крайне далека от реальной действительности, с возможным исключением Югославии.

---

* Я не считаю, что обычное разделение истории экономической реформы в России на до и после января 1992 г. имеет такой уж большой смысл. Январь 1992 г., действительно, был определенным рубежом, потому что означал окончательный крах союзного государства и некоторые серьезные шаги в направлении дальнейшего дерегулирования. В своей основе, однако, январь 1992 г. только продолжил те тенденции, которые существовали в экономике уже с 1987 года. В частности, если говорить о реформе ценообразования, то она шла по плану, выработанному еще В.Павловым.

Но, если мы отбросим эти примитивные взгляды, то проблема сама выступает достаточно ясно. Собственник состоял из высшей партийной и правительственной бюрократии, чьей целью было создание военной сверхдержавы, по крайней мере это было так в России, при том, что жизненный уровень населения должен был поддерживаться на определенном минимальном уровне. Руководящие государственными предприятиями директора должны были выполнять приказания собственника под страхом сурового наказания. Поэтому эффективность, с которой собственник мог заставить директоров выполнять их волю, была в прямо пропорциональной зависимости от полицейского характера социалистического государства. Поскольку у директоров всегда были свои личные интересы и поскольку экономические ресурсы оперативно были в их подчинении, определенный шумовой фон в функционировании этой системы был в ней с самого начала. И по ходу политической эволюции от ужасов Ленина и Сталина к относительно мягкому режиму Хрущева и Брежнева проблема собственник - директор разрешалась социалистической экономикой все менее и менее эффективно (*т.е. было все больше и больше случаев провалов контроля, когда директор выходил из-под контроля собственника*). Этот выход директора из-под контроля собственника не имеет отношения к слабому или мягкому бюджетному ограничению социалистического предприятия, как считается в литературе, поскольку мягкое бюджетное ограничение было частью сознательной политики самого собственника, как мы покажем в дальнейшем.

Выход директора из-под контроля собственника проявлялся, например, в широко распространенном явлении двойной бухгалтерии на государственных предприятиях, когда часть

утаенной продукции направлялась на черный рынок, или же, наоборот, выписывались премии за непроедленную продукцию. Эти нелегальные действия, так же как необходимость обеспечивать стабильные поставки в условиях хронических дефицитов, создали разветвленную неформальную корпоративную сеть между самими директорами государственных предприятий, в которых находились нижнее и среднее звенья аппаратчиков. Эта сеть продолжает действовать и сегодня и играет очень большую роль в постсоциалистической экономике. В этом смысле то, что с 1987 года начало рушиться полицейское государство, привело к тому, что экономические агенты, т.е. директора, в конце концов решились открыто выступить против собственника, уже открыто преследуя свои собственные эгоистические интересы.

Выход из-под контроля превратился в настоящий системный кризис, и в короткой схватке в августе 1991 г. директора вышли окончательными победителями в борьбе против бывшего собственника. Я считаю, что экономическая суть августовской революции в России состояла именно в этом.

Что, однако, еще более интересно и заслуживает еще более серьезного изучения - это то, что произошло потом.

Большинство исследований по-прежнему выделяют только государственные и частные предприятия постсоциалистической экономики. У меня складывается ощущение, что это различие (которое в частности означает, что какой-то новый собственник (держатель акций) получает в свою собственность государственное предприятие, которое приватизируется, и выступает в роли нового собственника по отношению к директору), весь такой подход оставляет в стороне огромную категорию предприятий российской экономики сегодняшнего дня, которая, с моей точки зрения, представляет

собой подавляющее их большинство. Появление нового собственника для денационализированных предприятий, безусловно, является необходимым и желательным. Однако, такое заявление представляет собой только нормативное утверждение, т.е. как должно быть, но не позитивное, как есть на самом деле. На самом же деле, пока политики обсуждают пути приватизации, бывшие главные экономические агенты, т.е. директора многих государственных предприятий, ведут себя все больше и больше как квазисобственники, создавая очень специфический тип предприятия, которое не является ни государственным, ни частным. Я бы предложил называть их **постгосударственными** предприятиями. Они сосуществуют сегодня в российской экономике с относительно небольшим числом действительно частных предприятий, в основном в сфере торговли, услуг и банковской деятельности и с теми, что представляют собой более или менее государственные предприятия, в основном в оборонных отраслях и инфраструктуре.

Я бы хотел остановиться на этом несколько подробнее, поскольку мне кажется, что это различие является очень важным для понимания явления саморазвивающегося перехода к рыночной экономике. Когда рухнул Советский Союз, директора государственных предприятий неожиданно обнаружили для себя, что высшая цель бывшего политического режима вместе с теми, кто ее навязывал, т.е. с высшей партийной и правительственной бюрократией, ушли окончательно, оставив их, т.е. директоров, распоряжаться всей огромной бывшей государственной собственностью. Новое государство, по крайней мере в России, даже не попыталось предпринять реальные энергичные шаги, чтобы вернуть контроль за стратегически важными отраслями промышленности. Это было возможно благодаря тому, что Россия фактически

овладела большей частью правительственного аппарата бывшего Советского Союза. Но даже в России этот перелом, который в частности привел и к массовому исходу бывшего чиновничества из правительства, и к замене его на неопытный и плохо обученный персонал, вызвал резкое снижение уровня и качества правительственного контроля. Что же касается других республик, то там эффект от этого внезапного разрушения всей системы бывшего собственника, системы его контроля, был еще более стремительным, как показывают многочисленные примеры.

Если не побояться выразиться несколько парадоксальным образом, то ранняя стадия реформаторского процесса в России, кульминацией которой явились события с августа 1991 г. по раннюю весну 1992 года окончательно реализовали многолетнюю мечту только не пролетариата, а государственных предприятий, т.е. их директоров.

Десятилетиями они были свободны от экономической ответственности за результаты своей управленческой деятельности. Но в то же время у них не было свободы действовать в соответствии со своими частными устремлениями, своей частной мотивацией, поскольку если эти отклонения от того, что им было предписано делать, обнаруживались, наказание было достаточно суровым. Общий упадок дисциплины и государственного контроля в последнее десятилетие социализма уже в значительной мере освободило их, но не полностью. Поэтому коллапс государства и полное дерегулирование после «бархатной революции» дали им впервые настоящую полную свободу. В этом смысле так называемая шоковая терапия, по крайней мере для постгосударственных предприятий, первоначально была просто манной небесной.

Но в конце концов в чем же тут проблема? На первый

взгляд изменение происходит в правильном направлении. Неправильная цель предыдущего режима и собственник, который пытался ее навязать свободной воле экономических агентов, исчезли. В конце концов многие страны процветали и процветают с тем или иным вариантом «капитализма директоров - менеджеров». И можно с достаточным основанием утверждать, что проблема, кто владеет предприятиями, в конце концов не так уж и важна. К сожалению, дело обстоит не так просто. Не достаточно лишь превратить государственное предприятие в постгосударственное. Очень важно превратить государственное предприятие в частное правильным образом. Частичное доказательство этого тезиса будет приведено в последующих двух параграфах, где мы будем говорить о структуре рынков и финансовой дисциплине. Здесь же мы продолжаем сосредоточиваться только на аспекте взаимоотношений собственник - директор.

Директор нынешнего постгосударственного предприятия комбинирует в себе роли собственника и управляющего. Но они комбинируют, соединяет в себе эти две роли в очень своеобразной институциональной среде и со слишком многими «помехами, шумами», даже оставляя в стороне все остальные проблемы, которые мы будем поднимать в дальнейших параграфах. Главнейшей проблемой является то, что бывший собственник - социалистическое государство - умер слишком внезапно и не успел себя заменить хотя бы сколько-нибудь развитой институциональной системой рыночной экономики.

Самый наглядный пример этого - это то, что происходит с преступностью, законностью и правопорядком, когда становится все более и более принятым убирать нежелательного конкурента с помощью просто заказного убийства. Но даже оставляя в стороне такие экстремальные случаи, есть целый ряд

очень серьезных проблем, которые требуют институциональных решений, которые вряд ли смогут быть когда-либо в обозримом будущем найдены с помощью саморазвивающегося стихийного процесса трансформации, называемого реформой.

Первая проблема уже была упомянута, когда мы сказали о том, что бывший собственник умер слишком быстро. «Король умер, но его призрак все еще стоит перед глазами Гамлета». Многие директора постгосударственных предприятий так и не могут понять, как им вести себя в этих резко изменившихся экономических условиях, и не могут эффективно функционировать в своих интересах в качестве собственников. Эта своеобразная реверсия старой проблемы «собственник - директор» может быть преодолена только с помощью соответствующей смены кадров, но никакого механизма для того, чтобы менять неэффективных директоров постгосударственных предприятий, не существует, тогда как уже упомянутая корпоративная сеть взаимной поддержки, сформированная вокруг большинства из них, очень эффективно их защищает.

Вторая проблема проистекает из того, что нынешняя ситуация рассматривается как временная. Это приводит к неэффективному управлению даже теми директорами, которые достаточно освоились с новыми возможностями и правилами игры. Поскольку постоянно идут разговоры о приватизации, о том, что грядет окончательная приватизация и смена собственника, у нынешних директоров нет практически никакого стимула для того, чтобы думать о долгосрочном развитии предприятия. Это выражается в катастрофическом падении инвестиций, которые более чем наполовину сократились за последние два-три года. Обычный, рядовой персонал тоже берет пример с директоров, забирая со своих рабочих мест все, что только может иметь

какую-то ценность где-то еще. Большинство дач вокруг больших городов оборудованы всем тем, что вытаснено с действующих заводов, с действующих предприятий. Все, что может быть легко вынесено и продано на рынке, выносится и продается. Несколько может быть утрируя, мы можем сказать, что еще года два разговоров о приватизации без решения проблемы собственности раз и навсегда - и уже нечего будет приватизировать, поскольку все, что будет иметь хоть какую-то ценность, будет уже куда-нибудь вывезено.

Проблема с этим выносом состоит в том, что, во-первых, в то время как часть, по крайней мере, выносимого оборудования произведена с большими и, может быть, воспроизведена, что самое главное, только с еще большими общественными издержками, частные издержки, благодаря тому, что это просто крадется, крайне низкие. И в результате новые хозяева, новые владельцы этого выносимого имущества получают их по цене ниже, чем их общественная стоимость и соответственно используют их иногда менее эффективно, чем бывшие государственные предприятия. Во-вторых, проблема состоит в том, что это такой процесс, который отнимает огромное количество времени и усилий от производственной деятельности, потому что постоянно идет перераспределение пирога, вместо того, чтобы этот пирог увеличивать. В любом случае неэффективность такого процесса перераспределения собственности, «организованного» таким образом, перевешивает все возможные будущие выгоды, если даже мы готовы согласиться с тем, что когда-нибудь в конечном счете собственность найдет своих истинных хозяев.

Неопределенность с базовой институциональной средой в новой формирующейся экономике действует разрушительным образом еще и в другом смысле. Одна из интерпретаций

развитой рыночной экономики состоит в том, что эта экономика рассматривается как математическая игра с бесконечным горизонтом. Отход от установившихся правил в такой игре может быть выгоден для каждого индивидуального игрока в одном раунде этой игры. Но поскольку перед ним бесконечный горизонт, а доход в течение всего движения имеет для него определяющее значение, он понимает, что, сыграв нечестно в одном раунде, он вызовет ответные действия других игроков, что просто выкинет его из всех последующих раундов. Понимая это, он выбирает коллективную стратегию, которая ведет к совместной максимизации общественного благосостояния. В отношении директоров предприятий (*как постгосударственных, так и частных*) в нынешней постсоциалистической экономике, ситуация по-прежнему характеризуется игрой, которая идет только один раз.

Мы здесь можем также вспомнить знаменитый пример из теории игр, когда одноразовый характер игры ведет к тому, что каждый бросается ловить своего собственного зайца, потому что ни государство, ни только формирующиеся рыночные институты не могут организовать экономических агентов, чтобы вместе охотиться на лося.

Но основная проблема вульгарной либерализации в отношении постгосударственных предприятий с точки зрения данного параграфа состоит в том, что по мере того, как проходит время, становится все более и более сложным изменить ситуацию без того, чтобы вызвать серьезные социальные трения. Уже сейчас достаточно интересов завязано на нынешней институциональной неопределенности. Эта ситуация сдерживает экономический рост и мешает развитию конкуренции так же, как и различных типов рыночной инфраструктуры, именно поэтому она позволяет значительной части новой и старой

элиты получать огромные прибыли из ничего.

Старая неформальная корпоративная система директоров государственных предприятий, нижнего и среднего звеньев аппарата действует в полном объеме, по-прежнему решая задачи максимизации полезности собственно управленческого звена, а не задачи развития предприятий и даже не задачи максимизации прибылей. Двойная бухгалтерия в настоящее время связана, в первую очередь, с уходом от уплаты налогов, а кроме того приняла своеобразную «легальную» форму создания «малого предприятия», параллельно действующего постгосударственному, через которое продается значительная часть продукции, при том, что доходы от этих продаж направляются куда угодно (*включая зарубежные банки*), но только не на нужды основного предприятия.

Участки земли и здания, оборудование и целые заводы сдаются сомнительным посторонним «деловым» людям единоличным решением высшего управленческого звена, которое опять-таки в данном случае думает только о своих личных выгодах от такой сделки. Это представляет собой не что иное, как еще более высокую степень монополизации экономики и ее криминализацию. Если этому процессу не будет поставлен надежный заслон, то он произведет на свет еще одного монстра прежде, чем превратится во что-либо полезное.

1.2 Искажение в относительных ценах, технология и структура рынка.

Проблема директоров и процессы «мафизации» никогда не приняли бы на самом деле таких масштабов (*и они не приняли таких масштабов, скажем в Восточной Европе*), если бы не

огромное количество других искажений в российской экономике. В этом параграфе мы хотим остановиться на проблеме неправильных рыночных сигналов, которые продолжают действовать и появляются в условиях вульгарной либерализации.

Либералистская идея освобождения цен очень привлекательна с двумя, однако же, поправками. Во-первых, для того, чтобы эта идея была плодотворной, необходимо, чтобы государство действительно раз и навсегда могло освободить все цены. Во-вторых, ситуация в экономике не должна допускать никаких провалов рынка, т.е. никаких сбоев в функционировании самого рыночного механизма.

Начнем с общетеоретического примера. Иногда приходится слышать такое мнение, что даже частичная либерализация цен лучше, чем тотальный ценовой контроль. То есть даже если государство не может окончательно отказаться от своей роли, так как предлагают Хайек и Фридман, все равно лучше иметь меньше ограничений, чем больше ограничений. Иногда в связи с этим цитируется знаменитый принцип Ле Шателье.*

Мы хотим показать, что применительно к рассматриваемому случаю это утверждение неверно.

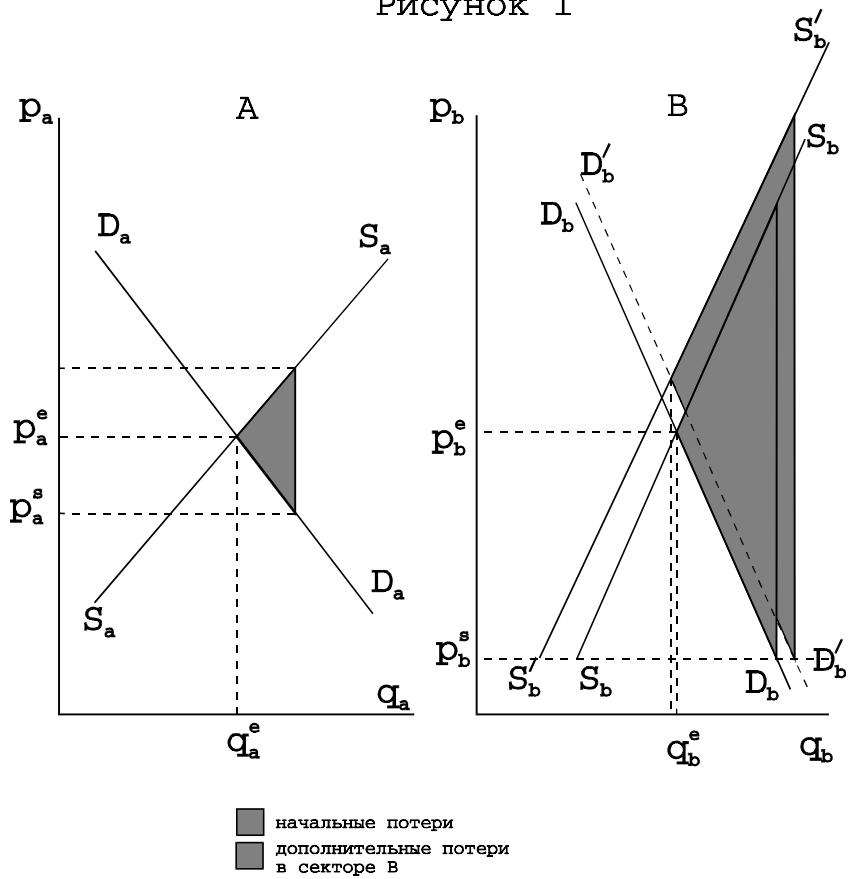
Давайте представим себе экономику с двумя секторами. Для простоты примера мы предположим, что регулирование осуществляется только ценовое с помощью субсидирования,

---

* Этот принцип впервые в экономическую литературу был введен в качестве элемента экономического анализа в 1947 году. Принцип состоит в том, что, если есть задача на оптимизацию с несколькими ограничениями и задача, когда максимизируется та же функция, но с меньшим количеством ограничений, то максимум при меньшем количестве ограничений не может быть меньше, чем максимум при большем количестве ограничений. Но это понятно в случае математического программирования: снимаете просто ограничение или оно никак не действует на точку максимума или же оно этот максимум увеличивает, снижать оно не может.

оплачиваемого налогами, равномерно распределенными по всему населению. Назовем эти сектора А и В. Представим себе, что первоначально цены на продукты этих секторов выраженные в какой-то, неважно в какой, денежной единице, таковы, что цена в секторе А больше, чем цена в секторе В ($P_a > P_b$). Представим себе также, что «правильная» ценовая структура (т.е. относительные цены в условиях общего равновесия при совершенной конкуренции, которые могут, например, наблюдаться на рынках развитых стран) заключается в обратном соотношении. Цена продукта сектора В должна быть выше, чем цена продукта сектора А ($P_a < P_b$). И эта ситуация будет действительно достигнута, если цены в обоих секторах будут отпущены одновременно. Мы сразу видим здесь, что в случае частичной либерализации результат получается совершенно различный в зависимости от того, цены в каком секторе отпускаются первыми. Например, если цены отпускаются первыми в секторе А, то размер искажения ценовой структуры, т.е. неправильность относительных цен будет увеличена, требуя еще больших субсидий в секторе В, и снизит общий уровень общественного благосостояния. Этот случай иллюстрирует рисунок 1, где для простоты еще дополнительно предположено, что продукция в секторе А используется как промежуточный продукт для производства конечной продукции в секторе В, т.е. рост цены на продукцию сектора А смещает кривую предложения в секторе В вверх и весь прирост дохода потребителей, который получается благодаря тому, что снижаются налоги в связи с отменой дотаций в секторе А, используется на приобретение конечной продукции сектора В (эти предположения правомерны, потому что для того, чтобы опровергнуть общие утверждения, достаточно построить один контрпример).

Рисунок 1

В этой ситуации увеличение искаженного разрыва между ценами в секторах А и В приводит к сокращению общественного благосостояния, измеренного суммой потребительских избытков в обоих секторах.

Еще одна проблема, которая может привести к дальнейшему ухудшению ситуации, заключается в том, что и рынок может быть не совершенен, что он может сосуществовать с государственным регулированием. Так, возвращаясь к этому двухсекторному примеру, представим себе, что производитель в секторе А к тому же представляет собой монополию. Эта ситуация проиллюстрирована на рисунке 2. Снятие ценового регулирования в монопольном секторе А ведет не к установлению цены конкурентного равновесия, но к установлению монопольной цены, и к чистой потере в потребительском избытке в этом секторе. Этот негативный эффект усиливается катастрофической утратой благосостояния в секторе В потому, что в отношении него разражается настоящий шок со стороны поставщика. И в экстремальном случае, как скажем, в случае резкого открытия экономики, о чем речь пойдет в последующих параграфах, сектор В может вообще быть просто изъят полностью. *

Рассматривая реальности саморазвивающегося перехода к рыночной экономике в России, мы не можем не заметить, что эти два провала - провал государства и провал рынка - распространены самым широким образом. На самом деле так

---

* Та аргументация, которая представлена здесь, может быть подвергнута определенной критике, поскольку использует только анализ частичного равновесия тогда, как некоторые выводы, безусловно, требуют соображений относительно общего равновесия. Маршалловское равновесие - это когда равновесие спроса и предложения рассматриваются на одном рынке и не принимаются во внимание диспропорции, которые получаются на всех остальных рынках. Нам будет удобно ответить на эту критику несколько более детально далее, после того, как мы осветим некоторые другие специфические особенности саморазвивающегося перехода к рыночной экономике (см. параграф об открытии экономики).

распространены, что просто невозможно даже оценить, является ли чистый результат от политики либерализации позитивным с точки зрения экономического благосостояния.

Плановая экономика формировалась как единое предприятие, при том, что фабрики и заводы работали по одному плану, разработанному центральными властями. Задача сокращения расходов с помощью плановой деятельности вместе со специфической марксистской догмой о том, что чем больше предприятие, тем технологически оно эффективнее, привели к тому, что довольно последовательно проводился в жизнь принцип: одна продукция - один завод. В результате степень монополизации на рынках крайне высока в отношении почти всех продуктов.

Случай чистой монополии - это феномен, который хорошо изучен теоретически, но не часто встречается в практике развитых стран. Термин «монополия» часто довольно неаккуратно применялся к финансовым группам, которые контролировали важные сектора экономики с помощью того, что просто держали акции. Японские дзайбацу, распущенные после Второй мировой войны, представляют собой хороший пример.

Когда монополии являются чисто финансовыми, их гораздо легче распустить, чем когда, как во многих постсоциалистических экономиках, они представляют собой монополии технологические. Так, например, 87% продукции, производимой на российских машиностроительных предприятиях, производится только на одном заводе. Ситуация не намного лучше в металлургии, химической и ряде других основных отраслях промышленности.

На рынках практически каждого продукта много потребителей продукции одной единственной фирмы или завода-

производителя, которые выступают в качестве монополиста в отношении потребителей своей продукции. Эта повторяющаяся на всех рынках ситуация уже сама по себе достаточна, чтобы все рынки на микроуровне были рынками продавца, независимо от общего макроэкономического состояния спроса и предложения.

Другими словами, ограничения, которые накладываются эффективным спросом, ощущаются только на самых конечных стадиях, даже не производства, а розничной торговли и государственных закупок. Поэтому индикатор состояния макроэкономического баланса между спросом и предложением, который профессор Я.Корнай предлагает в качестве главного индикатора того, насколько далеко зашел процесс трансформации плановой экономики, не срабатывает при более внимательном рассмотрении российской экономики, поскольку общее состояние макроэкономического избытка предложения над спросом, не меняет соотношение сил на каждом отдельном индивидуальном рынке в производственном секторе.

В начале процесса реформ, в частности, большая часть предприятий розничной торговли даже не была коммерциализирована. Поэтому монопольные производители даже не получали правильных сигналов от розничной торговли. Постепенно процесс коммерциализации и приватизации розничной торговли начался, но даже в июне 1993 года 70,8% их оставались постгосударственными и государственными, но никак не частными (91,7% - в январе). Это означает, что у них не было практически никаких стимулов передавать правильно сигналы со стороны ограничения, возникшего в сфере эффективного спроса, к оптовикам, а от них к производителям по всей технологической цепочке.

Что же касается закупок сельскохозяйственной или обо-

ронной продукции, здесь тоже противоречащие друг другу сигналы, исходящие от различных частей Правительства, так и не смогли поколебать твердой уверенности большинства производителей в том, что они по-прежнему могут не сомневаться, что в конечном счете, несмотря на всю риторику о сокращении бюджетного дефицита, их выручат с помощью повышения закупочных цен, предоставления субсидий или льготных кредитов.

Безусловно, надо отметить, что определенное обратное воздействие на каждого отдельного производителя со стороны изменившейся макроэкономической ситуации существует, но работает оно очень медленно и болезненно.

Прошло уже два года после начала этого этапа экономической реформы, но не было еще ни одного случая банкротства в российской экономике, а официальная открытая безработица не превышает 1% рабочей силы. Это является самым ярким доказательством того, что саморазвивающийся процесс перехода от рынка продавца к рынку покупателя на микроэкономическом уровне если и действует, то действует так долго, что практически даже не заметен.

Полтора года либерализации (*хотя и неполной либерализации, о чем мы еще будем дальше говорить*) привели к тому, что структура относительных цен действительно изменилась в сторону более высокой цены на энергоносители и другие первичные ресурсы. Это создало видимость изменения относительной структуры цен в правильном направлении (*потому что цены на первичные ресурсы всегда были занижены в плановой экономике*). Однако это представляет собой не более, чем внешнюю видимость, поскольку просто-напросто субсидии, которые ранее предоставлялись всем отраслям, теперь закладываются в цену в первичных отраслях, но чем ближе к

конечным стадиям производства и потребления, тем больше по-прежнему субсидии сохраняются, что позволяет держать цены пока еще относительно низкими.*

Отсутствие реального улучшения в распределении ресурсов демонстрируется также следующими явлениями. В 1992 - начале 1993 года прибыль в материальном производстве составила более 20% валового внутреннего продукта и почти 30% всего промышленного производства. В банковской сфере норма прибыли в 200% и выше становится «нормальной». В то же время средняя зарплата по-прежнему не превышает 65 долларов в месяц по нынешнему валютному курсу (октябрь 1993 г.). Этот необычайно высокий уровень прибыли, который в основном достигается путем повышения цен в сочетании с крайне низкой зарплатой и сохранением в экономике 15-20% убыточных предприятий, в основном в тех секторах, которые на себе ощущают ограничения со стороны спроса, все это показывает, что самокорректирующийся рыночный механизм, т.е. механизм самокоррекции распределения ресурсов, так и не был создан. Даже эффект от более высоких цен на энергию и топливо в стимулировании энергосбережения также под большим сомнением, поскольку субсидии конечным производителям часто принимают формы специальных льготных тарифов, скажем на электроэнергию в сельском хозяйстве.

---

* Может быть одним из самых интересных примеров является резкий контраст между реальным прогрессом демилитаризации экономики и статистикой по этому вопросу. Все, кто знает, как идут дела с конверсией, скажут, что реального прогресса достигнуто очень мало. Однако статистика по-прежнему показывает, что доля военной продукции в общей продукции оборонных предприятий упала с 56% в 1988 году до 20% в 1 квартале 1993 г., т.е. по статистике процесс конверсии уже практически завершен. По-видимому, одной из важных причин этого является скрытый характер повышения цен через субсидии и льготное кредитование в отношении оборонной промышленности.

Есть еще более существенный провал этой схемы ценовой либерализации. В то время, как цены на переменный поток, т.е. на производимые товары, в значительной степени действительно освобождены с уже упомянутыми оговорками, есть одна сфера экономики, где система фиксированных государственных цен по-прежнему сохраняется. Речь идет о рынке недвижимости, землю и основные фонды. Недавно в газетах промелькнула история об отставном полковнике, который купил у своего полка охотничий домик покойного императора Николая II за 25 тыс.рублей. Через несколько месяцев он перепродал этот домик за миллиард рублей не названному покупателю. Не было совершено никакого преступления, поскольку 25 тыс.рублей - это была правильная официальная балансовая (бухгалтерская) цена этого домика.

Это, может быть, экстремальный случай, но очень широкой практикой является разрыв в сотни раз между балансовой ценой каких-то основных фондов, по которой только государство и может их продать, и их реальной рыночной стоимостью.

То же самое касается и арендных платежей.

Те, кто имеют в своем распоряжении какую-то недвижимость, здания, капитал, те, кто может получить их в свое приоритетное распоряжение путем подкупа официальных лиц, могут получить миллионы долларов буквально за одну ночь.

Оставляя даже в стороне вопрос социальной несправедливости и огромного разгула коррупции, который все это вызывает, есть основания опять-таки для беспокойства с точки зрения эффективного распределения ресурсов. Мы уже упоминали в предыдущем параграфе, что слишком низкая цена основных фондов для частных лиц ведет к различного рода неэффективности. Слишком много сейчас основных средств, земельных участков, зданий и т.д., распределяются по ценам,

ниже чем рыночным, членам какой-то узкой группы или прямо преступникам.

В режиме вульгарной либерализации слишком много времени уйдет, прежде чем все эти фонды, наконец, найдут своих наиболее эффективных собственников, а в условиях прогрессирующей мафизации это время может вообще никогда не наступить.

1.3. Макроэкономика и деньги

Теперь мы переходим к макроэкономической и денежной части саморазвивающегося процесса трансформации. В отличие от других, уже упомянутых нами аспектов, здесь, по крайней мере, разговоров о финансовой стабилизации и проведении жесткой макроэкономической политики было более чем достаточно.

Сначала посмотрим, что достигнуто. «Антиинфляционная» политика 1992 года привела к повышению месячного уровня инфляции с 6% осенью 1991 г. до 20-30% - в течение большей части 1992 и 1993 годов. Бюджетный же дефицит «стабилизировался» на уровне 20-25% ВВП и остается неизменным в течение последних трех лет. Забавно, что некоторые политики, прямо ответственные за то, что произошло, так же как и их западные советники, по-прежнему пытаются представить себя главными и единственными борцами против инфляции и бюджетного дефицита.

Мы не спорим, что может быть действительно таковы были их намерения. Но, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. *

Слепое применение монетаристской догмы к реальности, которая не подходит ни под одну известную до сих пор экономическую модель, во-первых, привело к чувству собствен-

ного бессилия, в настоящее время очень остро ощущаемого всей «профессиональной» экономической частью российского правительства и экспертами Международного валютного фонда.

Во-вторых, эта политика привела к очень серьезному спаду по типу, описанному профессором Я.Корнаи.

Начнем с краткой характеристики основных компонентов макроспроса в российском случае.

Личное потребление резко упало, по крайней мере, если верить статистике. Доля личного потребления в ВВП, уже и так достаточно низкая в начале реформ, была ниже в России, чем в большинстве развитых стран. В 1991 году она составляла всего 44,4% от ВВП. Официальных данных по ВВП по сферам его конечного использования за 1992 год пока еще нет. Но дальнейший спад потребления очевиден из следующих данных. ВВП упал на 19% в реальном исчислении, в то время как розничный товарооборот по России упал на 39%. Реальная средняя зарплата в конце 1 квартала 1993 г. была на уровне 51% от 1У квартала 1991 г. или на уровне 66% от уровня 1990 г.

Кейнсианский тип депрессии, когда падающий личный доход вызывает сокращение производства, а дальнейшее

---

* Здесь об этом говорится не для того, чтобы начать очередную охоту за ведьмами или бесплодную идеологическую баталию. Но правда, как бы неприятна она ни была, необходима. Если мы будем продолжать настаивать, что все идет хорошо, и все идет согласно какому-то плану, как некоторые российские и западные экономисты по-прежнему продолжают делать, то через несколько лет та уродливая конструкция, которая возводится, может похоронить под собой все надежды на реформы вместе с самими реформаторами. Слишком много времени было потрачено впустую и не должно быть дальнейшей оттяжки. Новая политика должна применять экономический анализ к реальностям российской экономики, а не приспосабливаться, как слишком часто бывает с готовыми рецептами из экономической поваренной книги.

сокращение производства ведет к дальнейшему сокращению дохода, совершенно очевидно просматривается в сегодняшней российской экономике.*

Спад в инвестициях был действительно катастрофическим. Общий размер инвестиций в 1992 году упал до 55% от уровня 1991 в реальном исчислении, и спад продолжается в 1993 году. Инфляция часто выдвигается в качестве главной причины спада капиталовложений. Но, по-видимому, это не так, потому что 84% всех инвестиций в 1991 году были государственными инвестициями и поэтому представляли собой политическую переменную. Поэтому главной причиной спада инвестиций является, по всей видимости, политика сокращения бюджетного дефицита, политика, которая, тем не менее, как мы покажем, провалилась.

Ситуация с **государственным потреблением** остается неясной. Расширенный дефицит государственного бюджета в 1992 году, включающий в себя импортные субсидии, не проводимые через бюджет, находился на уровне 22% от ВВП. Если мы примем во внимание спад в личном потреблении и в инвестициях, то в таком случае получается, что общественное (*государственное*) потребление должно было резко увеличить свою долю в ВВП. Если это так, то можно, как ни парадоксально, сделать вывод, что российская экономика стала еще более «социалистической» или криминальной, чем до начала реформы.

---

* Мы еще раз хотим здесь повторить, что основной причиной этого являются институциональные технологические факторы, описанные в предыдущих параграфах. В этом смысле это не «типичный» кейнсианский спад, вызванный, скажем, негибкостью заработной платы. Наоборот, реальная заработная плата достаточно гибко меняется, но это не решает проблему из-за сохраняющейся нерешенной проблемы «собственник - директор» и из-за сохраняющихся рынков продавца по большинству видов продукции. Эти соображения помогают нам также понять, каким образом кейнсианский в своей основе спад производства, вызванный недостаточным конечным спросом, тем не менее сочетается с галопирующей инфляцией.

Наконец, **баланс чистого экспорта** был в основном позитивным при том, что экспорт и импорт упали в абсолютном выражении в 1991 и 1992 году. Экспорт упал примерно наполовину (в американских долларах) за эти два года, тогда как импорт упал на 56%. В первой половине 1993 года экспорт был более или менее стабильным, а импорт упал еще на 50%, произведя на свет большое позитивное сальдо во внешней торговле в 10 млрд. долларов. Сомнительно, однако, что эти деньги действительно эффективно используются в российской экономике, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

Таким образом, общая макроэкономическая ситуация может быть оценена как крайне отрицательная. Следует отметить, что прогрессирующий глубокий спад производства не привел пока к открытой безработице, которая по-прежнему находится на уровне около 1% от численности всей рабочей силы, но породил галопирующую инфляцию.

Причина такого положения с безработицей заключается в крайне низком уровне заработной платы на государственных и постгосударственных предприятиях. На самом деле скрытая безработица по некоторым предприятиям доходит до 30-50%. Как мы уже упоминали, институциональный хаос создал ситуацию, когда управленческий персонал постгосударственных предприятий практически не заинтересован в изменении структуры производства и рационализации. Управленческий персонал занимается совсем другими вещами, которые обещают непосредственно гораздо большую отдачу прямо сейчас. В то же время рабочие продолжают ходить на работу по инерции, получают свою нищенскую заработную плату, которая меньше пособия по безработице. Безработица сдерживается также практическим отсутствием рынка труда из-за специфического

института прописки. Работник не может получить работы без прописки, но не может получить прописку без работы на этой территории. Часто из-за этого получается порочный круг, который усугубляется отсутствием рынка жилья в городских центрах. Поэтому безработица есть нечто такое, чего следует избегать всеми силами, как индивидуально, так и общественно. Только в самое последнее время появились зачатки рынка жилья в больших городах, но по-прежнему очень узкого и дорогого.

Тем не менее, медленно, но неизбежно саморазвивающийся стихийный процесс перехода к рынку будет производить на свет безработицу, и если политики не подготовятся к этому, через несколько лет Россия может столкнуться с ситуацией, которая вызовет гораздо большую озабоченность, чем даже можно себе представить. Россия абсолютно не готова к явлению массовой безработицы, которая к тому же будет очень неравномерно распределена по регионам.

Наиболее вызывающим по сложности как в интеллектуальном, так и в практическом плане продуктом стихийного процесса перехода к рынку в России является практически неконтролируемая инфляция в сочетании с глубокой депрессией.

Плановая экономика является экономикой без денег. Существовая формально, деньги играют учетную роль, тогда как все распределение ресурсов решается в реальных параметрах планирующими органами. Знаменитое мягкое бюджетное ограничение, т.е. отсутствие бюджетного ограничения, производителя просто отражает эту ситуацию. Производственные планы должны быть выполнены любой ценой, а «деньги не имеют значения».

В условиях саморазвивающегося переходного трансфор-

мационного процесса существует объективная потребность в настоящих деньгах, обслуживающих нужды формирующегося рынка, который, даже будучи очень несовершенным, без настоящих денег функционировать просто не может. Эта роль сейчас все больше и больше переходит от рубля к доллару, т.е. идет процесс долларизации, характерный для многих латино-американских стран.

Но большая часть экономики по-прежнему состоит из государственных и постгосударственных предприятий. И вот здесь-то, с денежной сферой этих предприятий случилось нечто очень интересное.

В течение первых месяцев 1992 года жесткая фискальная, бюджетная и денежная политика приняла гротескную форму: просто из бюджета не выдавали денег никому вообще. Не было бюджета, и руководство Правительства настаивало на том, чтобы просто остановить все платежи. Остановлены были также и кредиты Центрального банка. Возможно вот это и считалось настоящей, истинной шоковой терапией - просто никому не давать денег.

В то же время производство продолжалось. Но столкнувшись с резким ограничением на ликвидные средства, большая часть государственных и постгосударственных предприятий выяснила, что реальная ценность их оборотного капитала резко упала, поскольку цены выросли во много раз, а индексации денег на расчетных счетах не производилось. У них не осталось денег платить зарплату и у них не было практического никакого доступа к банковским кредитам. Вскоре, однако, ситуация поменялась. Денежная масса опять начала увеличиваться, бюджетный дефицит вновь резко вырос. Заявления официальной пропаганды и убеждение большинства западных экономистов в то время было и, я боюсь, сохраняется

в значительной мере даже сейчас, что все это произошло из-за давления консерваторов, которые просто подавили реформаторов в Правительстве, и курс реформ был изменен. Эта точка зрения является не только крайне поверхностной, но и просто удивительно антитеоретической.

Парадигма, которую пытались реализовать реформаторы 1992 года, была монетаристской. Эта доктрина (*также как и кейнсианская доктрина, впрочем*) исходит из того, что Правительство, Центральный банк могут практически полностью контролировать денежную массу в экономике.

Некоторые теоретические работы пользуются понятием внутренних денег, но большая часть этих исследований отличается от модели с чисто внешними деньгами, т.е. Центрального банка, только различной степенью гибкости той связи, которая допускается между всем объемом денежной массы и контролируемой денежной базой, т.е. деньгами высокой эффективности.

В этих рамках было естественно, что реформаторы пытались вылечить эту болезнь мягкого бюджетного ограничения постгосударственных предприятий с помощью рестриктивных бюджетных и кредитно-денежных мер. Они не пытались контролировать эту болезнь на уровне каждого отдельного производителя, но вместо этого полагались на косвенный механизм, когда общее жесткое бюджетное ограничение на ликвидные средства в экономике в целом будет автоматически переведено в жесткое бюджетное ограничение для каждого производителя.

С монетаристской точки зрения это действительно жесткое бюджетное ограничение для каждого производителя эквивалентно или почти эквивалентно жесткому ликвидному ограничению. Но это не так в других концепциях, в других

теоретических построениях.

В XIX веке была популярна теоретическая доктрина, которая противостояла количественной теории денег. Доктрина свободной банковской деятельности или доктрина реальных векселей. Суть этой доктрины сводится к тому, что реальные векселя, т.е. свидетельства взаимной задолженности производителей учитываются банком без всяких ограничений, т.е. финансовое посредничество осуществляется беспрепятственно.

Интересно, что один из популярных методов современного макроэкономического анализа - модель пересекающихся поколений - доказал, что рекомендация этой концепции реальных векселей приводит к Парето-оптимальному состоянию, тогда как монетаристские рекомендации не приводят.

Это легко понять интуитивно, потому что любое государственное вмешательство в рыночную экономику теоретически приводит к искажению, нарушению оптимальности. Банковские и денежные сектора здесь не являются исключением. Поэтому в силу какой-то иронии российские реформаторы и их советники из МВФ исключили только одну, но именно эту сферу из набора их ультралиберальных идей. Мы только хотим здесь заметить, что нет никаких оснований аргументировать именно эту сферу активного государственного вмешательства, а не, скажем, сферу распределения собственности, промышленную политику или внешнеэкономические отношения. Тем не менее, все, что касалось роли государства в последнем, называлось консерватизмом и отсталостью, тогда как вмешательство в процесс финансового посредничества почему-то представлялось чем-то очень прогрессивным и новым.*

Но настоящая ирония, однако, заключается в том, что их политика вернулась бумерангом к своим инициаторам. Сти-

хийный переходный процесс, который начался в других сферах, т.е. во всех сферах реальной экономики, буквально наводнил экономику «нелегальными» и «несанкционированными» деньгами, и рестриктивная макроэкономическая политика завязла в трясине спустя несколько месяцев после своего начала.

Правительство, которое было слишком уверено в том, что касается саморегулирующихся сил рыночной экономики, в других областях (*где оно, кстати, могло бы добиться гораздо лучших результатов, если бы оно хоть чуть-чуть было менее приверженно своей догме*), сильно недооценило мощь именно этих сил в сфере платежей. На самом деле постгосударственным предприятиям не пришлось ничего изобретать. Не очень-то хорошо знакомые с тем, что представляют собой реальные деньги, они продолжали действовать так же как раньше, платя друг другу просто записями в своих бухгалтерских книгах. Очень скоро всем стало совершенно очевидно, причем в последнюю очередь Правительству и Центральному банку, что введение жесткого ограничения на ликвидность вовсе не идентично введению жесткого бюджетного ограничения. Это был не монетаристский мир.

Цифры, которые доказывают это, достаточно хорошо известны,

---

* Еще одной причиной неудачи макроэкономической политики был искусственный, одномоментный и неорганизованный развал Советского Союза. Абсолютно невозможно контролировать денежную массу или бюджетный дефицит, когда реально существуют 9 центральных банков и парламентов, работающих с кредитами и бюджетными расходами в одной и той же валюте, без всякой координации. Если же предполагалось, что их можно проконтролировать тем, что просто не поставлять им деньги, то это было слишком наивно. На самом деле все новые независимые государства ввели свои налично-денежные суррогаты, полностью избежав российского контроля. И, тем не менее, это практическое и экономическое помешательство было санкционировано МВФ. Кто после этого может обвинять российское правительство в том, что оно слишком поддается политическому нажиму? Мы еще скажем об этом далее.

но они настолько яркие, что мы не можем удержаться, чтобы не процитировать их вновь.

В январе 1992 года величина задолженности государственных предприятий друг другу составляла 39,7 млрд.рублей. В то же время их задолженность банкам была около 400 млрд.рублей. К 1 июля, т.е. через полгода, задолженность предприятий выросла в 80 раз и достигла 3,2 трлн.рублей. Это означает, что почти все промышленное производство первой половины 1992 года было профинансировано взаимными неплатежами. В то же время задолженность банкам выросла всего в 3 раза и составила 1,2 трлн.рублей. Таким образом, основная часть роста цен была профинансирована с помощью взаимной задолженности. Это был ответ постгосударственных предприятий на сокращение государственных субсидий и централизованных кредитов. Конечно, это не настоящая доктрина реальных векселей, в том смысле, что реальность большей части векселей не была действительно основана на настоящем рыночном спросе.*

Но однако, так же, как и в ситуации со свободной банковской деятельностью, очевидно, что бюджетные и монетарные ограничения не эффективны в отношении такой ситуации. Они приводят только к дальнейшему ослаблению центральной власти (*что будет еще описано в параграфе о гетерогенности*).

Когда же мы заменяем монетаристскую схему взглядов на систему (квази) реальных векселей при анализе трансформационных процессов в России, причина инфляции вырисовывается совершенно очевидно. Это те же причины, которые были уже описаны в предыдущих подразделах, создающие проблему «собственник - директор», мешающие выравниванию перекоса

---

* Наиболее курьезный случай - история с фальшивыми «авизо».

в относительных ценах и правильному распределению ресурсов, единовременный характер рыночной игры, двойная система цен на фонды и недвижимость, технологические монополии, рынки продавца для большинства продуктов производства, слабые сигналы со стороны конечного спроса, милитаризованные промышленные структуры и т.д. Финансовый хаос в СНГ и во внешнеэкономических связях тоже сыграл свою роль.

Этот поток платежей, которые были сделаны и акцептованы самими экономическими агентами (*со всем прошлым наследием социалистической плановой экономики, которая может быть умерла, но не похоронена*) делает практически невозможным проконтролировать инфляцию простыми макроэкономическими методами сокращения бюджетного дефицита и контроля за денежной массой (*в узком смысле ликвидности*). И предвосхищая то, что будет сказано далее, мы хотим здесь отметить, что и политика валютных курсов и аккумуляция валютных резервов, хотя и важные задачи сами по себе, не могут быть эффективны в качестве средств борьбы с инфляцией в этих обстоятельствах, поскольку они также относятся только к ликвидной части широкой массы платежных средств, обращающихся в российской экономике. Стабилизация рублевого обменного курса и накопление значительных валютных резервов летом 1993 года, в то время как инфляция достигала 25-30% в месяц, является превосходной иллюстрацией этого нашего тезиса.

Вопрос нелегальных средств платежа, созданных самими экономическими агентами, для нас представляется настолько важным, что мы хотим сделать еще несколько комментариев.

Может встретиться возражение, что в конечном счете все эти средства должны как-то подкрепляться ликвидной денежной массой. И действительно Центральный банк осенью 1992

года дал свои кредиты, чтобы спасти предприятия, которые потонули в задолженности. Во-первых, это было неизбежно, поскольку к тому времени 95% всех российских предприятий уже себя поставили в такое положение, что всех надо было объявлять банкротами. Таким образом, суть «свободной банковской деятельности» была уже налицо, несмотря на то, что формально решение принимал Центральный банк. Во-вторых, что еще более интересно, Центральный банк предоставил деньги только на сумму чуть больше 1 трлн.рублей - действительно долгов, с которыми ничего нельзя было сделать. Другая же и большая часть долгов была покрыта на основе многостороннего клиринга. Это есть не что иное, как непосредственное использование частных долговых обязательств в качестве средства конечного платежа с очень ограниченным посредничеством банковского сектора. *

Совместная теоретическая работа С.Брагинского, Я.Маеда и Я.Сакаи в настоящее время готовится к печати. Мы здесь хотим отметить только два момента, предложенные профессором С.Брагинским.

Во-первых, обменный курс рубля в конечном счете зависит только от той части денег, которая проходит через банковский сектор, в то время как инфляция привязана ко всей денежной массе. Это поможет объяснить не только парадокс лета 1993 года, уже упомянутый выше, но и вообще всю ситуацию с обесцениванием реального курса доллара, которая продолжается в течение всего 1992 и 1993 годов.

Во-вторых, это понимание по-иному ставит вообще весь вопрос введения национальных денежных единиц независимыми государствами бывшего Советского Союза. В частнос-

---

* Поскольку это работа не по теории денег, мы не можем здесь развивать дальше эту важную тему, которая дает вообще новый импульс всей проблеме формирования денег.

ти, на Украине известны случаи, когда в некоторых областях автобусные билетки использовались в качестве наличных денег.

Реальная проблема состоит в том, что формируется порочный круг: инфляцию нельзя излечить с помощью стандартных макроэкономических методов, а только с помощью институциональной и структурной перестройки, но само наличие галопирующей инфляции мешает перестройке, которая нужна для того, чтобы от инфляции излечиться.

Во-первых, галопирующая инфляция препятствует эффективной приватизации, особенно для мелкого и среднего бизнеса. Невозможными становятся сбережения, деньги постоянно должны участвовать в какой-то гонке и невозможно сформировать частные ликвидные средства для того, чтобы выкупить часть государственной собственности. Внутренняя конвертируемость рубля служит в определенной степени таким балансирующим фактором, но даже долларовые сбережения, как мы уже отмечали, не гарантируют от инфляции. *(Россия вообще уникальная страна - у нас американский доллар обесценился в реальном выражении на 75% в 1992 году!)*

Приватизация крупных предприятий также подвержена инфляционному воздействию, поскольку нужно продавать их акции. Вместо этого галопирующая инфляция вместе с двойной системой цен на недвижимость и основные фонды поощряет приватизацию мафиозного типа.

Во-вторых, галопирующая инфляция мешает структурной перестройке. С прекращением деятельности планирующих правительственных органов, единственным институтом, способным перераспределять средства между разными отраслями промышленности, являются банки, но из-за высокой инфляции, из-за слишком высоких рисков банки не могут предоставлять

долгосрочные кредиты. Только 4% банковских кредитов нефинансовым секторам в настоящее время предоставляется на срок свыше одного года. 3-6 месяцев является обычным сроком, но многие кредиты предоставляются еще на более краткосрочный период, напоминая больше межбанковский рынок ссуд, чем рынок кредитов для предприятий производственных отраслей.

Таким образом, трансформация экономики в режиме вульгарного либерализма полностью зашла в тупик в денежной сфере, и никакая «простая макроэкономика» ее из этой ситуации не выведет.

1.4 Издержки открытия экономики

Еще одна сфера, в которой либералистский подход был испробован, является открытие экономики. Десятилетиями внешняя торговля в России была полностью монополизирована государством, и все операции с иностранной валютой, помимо неизбежного черного рынка, были под строгим контролем.

Этот контроль начал смягчаться с конца 80-х годов и в конце 1991 года, в ходе разрушения Советского Союза, эти ограничения были сняты практически полностью. Лицензирование и другие формы нетарифного регулирования остаются в силе для 15-20 стратегических товаров, но вряд ли это можно считать по настоящему эффективным. Хотя некоторая степень контроля была восстановлена в 1993 году по сравнению с 1992. Попытки контролировать отток иностранной валюты из страны провалились полностью. Либерализация экспорта и допуск свободного обращения иностранной валюты в экономике должны были способствовать переходу к «правильной системе» относительных цен и служить в качестве мотива для перемещения

ресурсов в сторону тех секторов, продукция которых могла продаваться за твердую валюту. Открытие экономики для импорта должно было иметь эффект разрушения монополии отечественных производителей и таким образом способствовать также созданию конкурентного рынка.

В какой-то степени все это сработало. Но нерегулируемый характер этого процесса привел к очень сильным «переборам».

Во-первых, как мы уже говорили, внутренние факторы, которые порождали и порождают искажение структуры относительных цен, не были ликвидированы. Например, правительство сохранило контроль за ценами на нефть. В результате в 1992 году регулируемая цена нефти была в 10 раз ниже ее экспортной цены. Такие внутренние цены в той или иной степени применялись также и к поставкам в другие страны СНГ и даже в страны Балтии, которые затем зарабатывали огромные прибыли на реэкспорте.

То же самое, хотя в несколько меньшей степени, можно сказать и в отношении цен на цветные металлы, которые к тому же очень легко вывезти через практически неохраняемые границы между Россией и ее бывшими союзниками.

Предоставление права свободного экспорта всем экономическим агентам в сложившихся условиях привело к коррупции и контрабанде. Та же самая линия аргументации может быть применена и в ситуации двойных цен на недвижимость в том, что касается инвестиций иностранных компаний и совместных предприятий.

Во-вторых, ориентация на внешний спрос, в то время как внутренний спрос и доля добавленной стоимости в ВВП падали, есть путь к монокультурной специализации. Если мы посмотрим на структуру промышленного производства в текущих ценах, то мы увидим, что топливно-энергетический

сектор вырос с 8 до 19,4% только за два года с 1990 по 1992. В то время как машиностроение упало с 30,8 до 20,4% за тот же период. Такая же тенденция наблюдается и по другим отраслям. Первичный сектор расширяет свою долю, в то время как перерабатывающая промышленность падает. Здесь могут быть разные точки зрения относительно того, что происходит, но я твердо убежден, что для страны, такой большой и населенной как Россия, просто невозможно основывать все свое будущее развитие только на первичном секторе.

В-третьих, конкуренция со стороны импорта тоже идет с перехлестом в том смысле, что вызывает деиндустриализацию. Безусловное замещение внутренней отечественной промышленности импортом приводит к утрате экономического благосостояния.

Опять-таки последние два момента вызывают некоторые теоретические споры.

В частности, аргумент в пользу такого рода свободы торговли, примененный к российской экономике, звучит примерно так. Разделение труда, созданное плановой экономикой, было искусственным и не базировалось на сравнительном преимуществе. В настоящее время либерализация внутренней экономики вместе с открытием вовне должна заменить эту искусственную промышленную структуру новой.

Однако, даже с теоретической точки зрения, существует, по крайней мере, два очень веских основания сомневаться в правильности этих аргументов. Первый довод - это уже известный нам «кейнсианский» аргумент, суть которого сводится к тому, что резкий спад внутреннего спроса, вызванный первоначальным снижением отечественного производства, может затянуть экономику в очень долгую стагнацию. Таким образом, переход на новую промышленную структуру не пойдет гладко

и может завязнуть на многие годы.

Мы уже упоминали некоторые обстоятельства, которые делают именно такой вариант развития событий наиболее вероятным для российской экономики: очень слабый механизм перераспределения ресурсов между отраслями промышленности в силу отсутствия эффективных рынков недвижимости, очень краткосрочные банковские кредиты, зачаточная форма рынка труда, связанная с трудностями перемещения с места на место, и т.д.

Второе обстоятельство, которое с нашей точки зрения является еще более важным, это то, что особенно в отраслях обрабатывающей промышленности весьма часто действует эффект экономии масштаба, т.е. повышение эффективности производства при расширении его масштабов, и этот результат может перевешивать эффект от сравнительного преимущества. В последние десятилетия теория внешней торговли разработала совершенно новую главу о роли возрастающей отдачи от масштаба несовершенной конкуренции - главу, которую по непонятной причине совершенно не читали те, кто составлял план российской трансформации. В частности, большая часть теоретических работ в этой сфере в настоящее время прямо учитывает тот факт, что промышленное производство характерно неполной обратимостью тех эффектов, которые уже произошли, и это может перевешивать роль естественного сравнительного преимущества. Если наблюдаются такие эффекты неполной обратимости, то первоначальное сокращение промышленного производства в качестве результата дерегулирования открытия экономики приведет к совершенно новой ситуации, которую нельзя будет так легко вернуть обратно, и все это приведет к конечному спаду, а не к повышению эффективности использования ресурсов общего благосостояния.

Здесь, как и во многих других случаях, чисто теоретический анализ не дает однозначного ответа. Особенно, когда дело касается принятия практических политических решений, вопрос верить или не верить в саморегулирующуюся силу рыночного механизма - не является предметом точного научного диспута, поскольку есть теоретически верные основания и для того, и для другого взгляда. По крайней мере, моя интуиция в случае с российской и может быть с некоторыми другими постсоциалистическими экономиками говорит мне, что экономия и наоборот антиэкономия масштаба и эффекты неполной промышленной обратимости гораздо более важны, чем предполагает стандартный анализ. И, по крайней мере, нам всегда стоит помнить, что когда Дэвид Юм впервые предложил механизм автоматического регулирования (*речь шла о том, что автоматически регулируется дефицит платежного баланса, т.е. если есть дефицит у какой-то страны, деньги из нее утекают в другую страну, там растут цены, здесь цены падают, и все возвращается обратно, потому что конкурентоспособность повышается*), который затем лег в основу всей концепции свободной торговли, то он прямо писал о том, что должны создаваться условия для процветающей промышленности, которая только и позволит стране не волноваться о том, куда и откуда идут деньги. Если кто-нибудь сказал ему или любому другому экономисту его масштаба о том, что нация может быть готова отказаться от всей своей промышленности ради того, чтобы осуществить переход к рыночной экономике, он, наверное, счел бы этого человека сумасшедшим.

1.5. Некоторые специфические геополитические факторы

Очень серьезные проблемы в реформировании российской

экономики, наиболее специфичные для России из всего того, что мы до сих пор обсуждали, проистекают из ее геополитической ситуации, из того, что мы называем политико-экономической гетерогенностью. Тема гетерогенности России, ее последствий для реформаторского процесса, требует особого исследования, часть которого мы уже представили ранее в этом году в книге, названной «Нижегородский пролог». Здесь мы только очень коротко хотели бы остановиться на этой широкой теме, в тех ее аспектах, без которых понимание всего того, что мы до сих пор говорили, будет неполным.

Саморазвивающийся стихийный переходный процесс, вызванный ликвидацией сверхцентрализованного государства, в этой сфере проявил себя как процесс хаотической дезинтеграции сначала Советского Союза, а потом России.

Крах Советского Союза оказал в целом негативное воздействие на развитие трансформационного процесса. Во-первых, экономика, построенная по принципу одной фабрики, была создана не только в России, но и во всем Советском Союзе, поэтому границы и таможенные посты, поставленные между бывшими республиками, а иногда и внутри них самих, хотя и неэффективны против контрабанды, но в значительной мере нарушили сложившиеся связи между предприятиями. В результате чего резко возрос фактор монополизма в каждой отдельно взятой республике, в каждом отдельно взятом регионе.

Переключение на дорогостоящий импорт там, где раньше можно было обходиться внутренними поставками, также привело к утрате чистого благосостояния, т.е. к неэквивалентным утечкам валюты к иностранным поставщикам.

Но самый разрушительный эффект краха Советского Союза касался макроэкономической сферы и контролируе-

мости финансовых параметров, т.е. самой цели стабилизационной политики.

В самом начале реформы были упразднены Государственный банк СССР и союзное Министерство финансов. Российские реформаторы оказались во главе значительной, но все-таки лишь части финансовых органов бывшего Советского Союза. В течение всего 1992 года по сути дела правительство пыталось стабилизировать финансы и валюту страны, которая в буквальном смысле перестала существовать.

Помимо всего того, что было сказано в предыдущих параграфах касательно самой российской экономики, уже одной этой ситуации было достаточно для того, чтобы сделать любую стабилизацию невозможной. Размер выданных фактических рублевых кредитов другим республикам бывшего Советского Союза, кассовый остаток так называемых технических кредитов Центрального банка России, составил 1,3 трлн.руб. в 1992 году или 8,6% от ВВП.

Политические шоу на встречах глав государств СНГ не могли внести никакую упорядоченность в эту хаотичную ситуацию. Ничего по существу не изменилось и в 1993 году. Российское Правительство теперь пытается занять жесткую позицию, но результатом этого является только дальнейшее ухудшение экономического положения на Украине и в других республиках, которое в конечном счете вернется бумерангом в саму Россию.

Единственный прогресс, который можно заметить, - это более широкое общественное понимание, которое постепенно находит свою дорогу даже в головы политиков, того, что сама идея ликвидации страны буквально в течение одной ночи, было авантюрой, чтобы употребить тут самое мягкое слово.

Гетерогенность и тенденция к дезинтеграции самой России

были еще одним продуктом стихийного процесса перехода к рынку.

Например, особенности федерального бюджета, при которой большая часть налогов собирается на местном уровне и только затем передается в центральный бюджет, значительно мешает стабилизационным усилиям. В своих попытках снизить расходную часть бюджета Правительство переложило ответственность за большую часть социальных программ, ценовых субсидий и многого другого на местные бюджеты. Когда эта тенденция к суверенизации республик, краев и областей появилась, местные бюджетные органы стали все громче и громче заявлять свою собственную точку зрения на многие проблемы.

Распределение промышленности между регионами таково, что на протяжении многих лет еще нужно будет собирать централизованные финансовые ресурсы преимущественно с одной части регионов и распределять в пользу других. Это делается все труднее и труднее в общей атмосфере режима вульгарного либерализма. Поэтому Правительству приходится все больше и больше полагаться на инфляционное финансирование своих программ поддержки региональной экономики, еще больше этим самым снижая доверие к национальной валюте и подталкивая более сильные регионы к сепаратизму. *

Часть II.

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

2.1. Провал Рынка или Правительства?

Подведем итоги нашего анализа. К институциональной, рыночной, финансовой и политической структурам, описанным выше, были применены стандартные экономические рецепты, состоящие в дерегулировании, либерализации и финансовой стабилизации. В результате в экономике возникло ощущение порочного замкнутого круга, стремительно падает эффективность, отсутствует перспектива. В стране пролилась кровь. Очень трудно в этом хаосе различить, что представляет собой изменение в лучшую сторону, иначе говоря, что содержит в себе семена будущего развития нормальной рыночной экономики, отличить от того, что представляет собой очевидный сорняк, который может забить и уничтожить все полезные растения, если ничего не предпринимать.

Что, однако, абсолютно не подлежит сомнению: то, что получилось, имеет очень мало общего с тем, что реформаторы и западные доброжелатели надеялись получить.

Очень часто меня спрашивают: что мне представляется неправильным в экономической политике реформаторов в постсоциалистических странах бывшего Советского Союза и что я считаю должно быть исправлено. На самом деле, я не знаю, что ответить. Представьте, что Вы художник и Вам показывают картину, написанную кем-то, чья главная проблема состоит в том, что у него просто не получается замысел. И затем Вас просят подправить, исправить, улучшить это произведение.

~~По всей вероятности, Вы откажетесь от этой просьбы, сказав, единственно, что можно сделать это вызвать другого.~~
Детальное обоснование этой темы может быть найдено в одном из выпусков журнала «Экономика» № 4
5, апрель-май 1993 г.

лист и нарисовать все с самого начала.

Экономическая реформа в большой стране не тот случай, когда вы можете выбросить все то, что было уже сделано и начать снова с чистого листа.

Несчастье России и других бывших стран Советского Союза состоит в том, что «картина» реформ писалась до сих пор и по-прежнему пишется абсолютно разными людьми. Когда Правительство находится в том состоянии, в котором оно находилось в бывшем Советском Союзе и в России в последние годы, очень трудно сказать, на самом деле, что хуже: довериться ли властям или же рискнуть уйти в еще «неизведанную страну» провалов российского рынка. Это действительно гамлетовский вопрос, потому что сегодня в российской экономике проблемы создаются как рынком, так и Правительством.

Рынок проваливается, потому что технологические монополии держат цены и искажения в области благосостояния на таком уровне, который иногда даже превышает то, что было в плановой экономике. Рынок проваливается потому, что отношения собственности четко не определены, потому что рыночные агенты играют в одноразовую игру и потому что нет институтов, которые обеспечивали бы свободный и справедливый доступ к информации и конкуренции на большинстве рынков.

Правительство проваливается потому, что не смогло отказаться по настоящему от всего регулирования, но, по-прежнему, вмешивается в экономику, причем очень волюнтаристским и неэффективным путем. Система, которая рационализировала это вмешательство в плановую экономику и весь смысл этого вмешательства исчезли, но осколки старой системы по-прежнему могут быть найдены то тут, то там, но

сейчас они играют роль только обеспечения жизни, причем весьма неплохой жизни, коррумпированным чиновникам.

Правительство проваливается потому, что оно не может контролировать бюджет и деньги, не может навести порядок, не может заставить экономических агентов играть по каким-то установленным правилам игры и, более того, само никак не может воздержаться от того, чтобы каждый день не менять эти правила.

Так не улучшим ли мы все-таки положение, если выберем свободный рынок вместо правительственного вмешательства? В конце концов в свободном рынке есть какой-то механизм самокорректирования, и многие провалы системы были бы смягчены, если бы только правительство смогло бы решиться на то, чтобы действительно полностью уйти со сцены. Например, прекращение волонтаристского лицензирования и регулирования субсидий и государственных инвестиций могло бы положить конец значительной части коррупции. Это последний бастион, который надо взять, с позиции тех, кто отстаивает позицию тотального либерализма.

Мой ответ на это будет двоякий. Во-первых, даже если бы это было желательно, то невозможно, потому что Россия - это не Соединенные Штаты времен Томаса Джефферсона. Одно из наследий коммунизма состоит в весьма сложном, но крайне ненадежном промышленно-техническом потенциале (*не говоря уже о запасах ядерного, химического и биологического оружия*), который произвел на свет Чернобыль и может произвести много других, если Правительство действительно решит уйти полностью. Это невозможно также и потому, что время и издержки реформы, основанной только на рыночном саморегулировании, будут такими колоссальными, что они могут превысить даже знаменитый потенциал терпения российского

народа.

Меня, в буквальном смысле этого слова, очень беспокоят все чаще звучащие, в том числе и от серьезных политиков, и от ученых, опасения относительно «веймаризации» ситуации в Восточной Европе, например, в Венгрии. Социально-экономическая ситуация в России в несколько раз хуже и соответственно в несколько раз больше угроза ее новым институтам политической свободы и демократии. Но если политическая свобода и демократия провалятся в России, весь мир почувствует последствия. Поэтому мы должны быть очень ответственными в нашей профессиональной оценке ситуации и в наших действиях. И самый главный урок, который надо извлечь из опыта последних двух-трех лет, заключается в том, что государство все же должно играть существенную роль в переходном периоде.

Второй момент, который я хотел бы здесь отметить, состоит в том, что при нынешних политических условиях в России кто бы ни стоял во главе Правительства, ему практически невозможно сделать что-либо конструктивное. Я уважаю и высоко ценю некоторых членов российского Правительства. И, тем не менее, я ощущаю, что ничего хорошего от нынешнего правительства в целом ожидать не могу из-за бездонного политического кризиса.

Когда премьер-министру В.Черномырдину задали вопрос относительно этого печально знаменитого июльского обмена денег, он ответил с замечательной откровенностью, которая мне так нравится во многих ныне действующих российских политиках. «Мы хотели как лучше», - сказал он - «а получилось, как всегда». Как эхо раздалось заявление одного видного российского бизнесмена: «Мы действительно можем доверять нашему правительству. Если оно может что-нибудь

сделать, чтобы ухудшить положение в экономике, оно обязательно это сделает».

Этот второй момент не обязательно означает отчаяние. Наоборот, по крайней мере для меня это означает только одно - политические условия должны быть изменены, и новое правительство, которое сможет работать эффективно, должно прийти к власти. Как это сделать - это не тема настоящей работы. Поэтому позвольте мне обойти эту проблему и идти дальше, раскрывая, какой тип целенаправленной трансформации все еще возможен в нынешних условиях.

Наш вызов представлениям большинства экономистов относительно общей концепции трансформации постсоциалистической экономики (или же, я бы сказал так, тому, что до недавнего прошлого было общим взглядом, потому что, как я уже отмечал, меня несколько озадачило то, что целый ряд видных фигур со стороны моих оппонентов в последнее время перешли в другой лагерь) будет состоять в следующем:

Во-первых невозможно достичь макроэкономической стабилизации прежде, чем произойдет структурная и прочая институциональная перестройка.

Макроэкономическая стабилизация как цель, поставленная прежде всего остального, была ошибочной стратегией с самого начала (см. «*Диагноз*», ЭПИцентр, май 1992 г.). Плановая экономика - это экономика специально созданная, чтобы функционировать без денег в их истинном понимании. Поэтому она не реагирует на макроэкономическое ужесточение политики таким образом, как это описывается в учебниках. На самом деле она практически вообще позитивно не реагирует на макроэкономическое регулирование, а если какую-то реакцию и можно заметить - то она очень искаженная, поверхностная и очень часто, как в случае с валютными курсами, просто во

многим искусственной.

Это может показаться перегибом, но это факт. И хотя отдельные рыночные элементы в экономике появились, основная ее часть по-прежнему не трансформирована, и поэтому мы сегодня не способны сделать что-либо существенное ни с бюджетным дефицитом, ни с инфляцией.

Во-вторых, невозможно исправить диспропорции в относительных ценах, создать правильную мотивацию для производителей и сократить потери общественного благосостояния просто снятием контроля и освобождением цен. Институциональная и структурная перестройка, включая решение главного вопроса о собственности, реальное проведение земельной реформы, демонополизация экономики и, в первую очередь, ликвидация технологических монополий, освобождение предприятий от финансирования социальной сферы и многие другие мероприятия необходимы для того, чтобы «невидимая рука» Адама Смита привела бы к желаемому результату.

В противном случае существовавшие ранее диспропорции сохранятся. Кроме того, к имеющимся искажениям добавятся новые, образующая рыночную экономику очень специфического типа. То, что получится, вряд ли можно будет назвать более эффективной экономической системой, не говоря уже о большей справедливости по сравнению с прежней.

В-третьих, невозможно достичь ни макроэкономической стабилизации, ни правильного рыночного поведения без создания условий для экономического роста, причем на основе, совершенно отличной от той, которая существовала в плановой экономике. Успех стабилизационной программы в Японии в 1949 году - одна из самых выдающихся удач стандартной макроэкономической политики в современной истории - был предопределен той перестройкой производства, предложения

и спроса, которая протекала в годы, **предшествующие** стабилизационной программе с 1946 по 1948 год. Все это происходило в условиях значительной, а иногда даже галопирующей инфляции. Конечно, мы должны понимать, что корейская война, которая разразилась вскоре после начала осуществления этой программы, практически ликвидировала перегрев экономики, открыв крайне необходимые возможности со стороны внешнего спроса. Нельзя не заметить при этом, что еще два десятилетия после успеха этой программы государственное вмешательство как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровне по-прежнему оставалось весьма значительным.

В-четвертых, для российской экономики не подходит модель, предназначенная для малых открытых экономик. До сих пор МВФ и другие советники в основном имели дело именно с малыми странами, включая Восточную Европу. Это их первая попытка помочь стране, которая столь велика, и, вполне естественно, что здесь нужен иной подход. Например, экономика России не может быть основана только на одном экспортном секторе (*например, энергетике*), оставляя все остальные отрасли промышленности на произвол судьбы. И внешний спрос никогда не может компенсировать провал внутреннего спроса, иначе говоря, спад «кейнсианского» типа представляет у нас гораздо более серьезную проблему, чем в маленькой стране.

Наконец, **в-пятых**, мы не можем оставлять в стороне политические и геополитические факторы. Россия - это часть бывшего союза. 14 республик этого бывшего союза провозгласили свою независимость, но большая часть из них никогда не сможет достичь реальной экономической независимости, по крайней мере, в обозримом будущем. С другой стороны, для

России этот аспект не может быть безразличным хотя бы потому, что 25 млн. русских живут в республиках СНГ.

Кроме того, Россия сама представляет собой грандиозный конгломерат гетерогенных регионов, включая и многие, состоящие из национальных меньшинств. Ни одна экономическая реформа, не учитывающая этой реальности, не может быть успешна.

Тема правильного политического дизайна для дальнейшей трансформации требует времени и места, превышающих то, что мы имеем в рамках этой работы. Поэтому мы только очень коротко наметим, что, по нашему мнению, может быть сделано для того, чтобы направить стихийно развивающийся процесс в правильном направлении. Как подтолкнуть те преобразования, которые обещают эффективную рыночную экономику в будущем, и одновременно поставить высокие заградительные барьеры на пути тех тенденций, которые несут в себе опасность увода экономики в сторону.

2.2. Эффективный собственник

Главный аргумент сторонников саморазвития в приватизации сводится к тому, что вся государственная собственность должна быть как можно скорее переведена в частную. Неважно, кто первоначально получит эту собственность, достаточно будет создать свободную торговлю вновь приобретенными правами собственности, и тогда более эффективные собственники в конце концов эту собственность в свои руки получат.

Нечего и говорить, что между этой теоретической схемой и реальными условиями рынка есть огромная дистанция, поскольку рынок всегда характеризуется самыми разными несовершенствами. Однако уверенность российского правительства в этой либералистской догме была настолько велика,

что целая система так называемой ваучерной приватизации была специально построена под эту концепцию.

Мы уже видели в предыдущей части, к чему привела эта приватизационная схема. Что касается ваучеров, единственное, что мы здесь могли бы добавить - это то, что цены на основной капитал выросли во много раз за последние годы даже на уровне их балансовых цен, не говоря уже о рыночных. В то же время рыночная цена ваучера только сейчас достигла его номинальной стоимости - 10 тыс.рублей, которая должна корреспондироваться с общей суммой основного капитала, измеренной в ценах семидесятых-восьмидесятых годов.

Таким образом, общая сумма ваучеров, розданных гражданам, значительная часть которых до сих пор никуда еще не вложена, в настоящее время соответствует всего лишь нескольким процентам всей той массы богатства, которую они должны были представлять. Конечно, цена ваучеров, как и любого другого капитального средства, никогда не определяется его реальной или воображаемой долей в каком-то богатстве, поскольку цена любого капитального средства - это не что иное как дисконтированная сумма потоков того дохода, который ожидается от этого средства в будущем.

Потоки дохода контролируются директорами постгосударственных предприятий, для которых ваучеры не что иное как предмет головной боли, поскольку они не помогают привлечь дополнительный капитал, но требуют платить по ним дивиденды. В этом смысле вся идея «народной приватизации» фальшива от начала до конца.

Дизайн приватизации в нашей целенаправленной трансформации должен быть совершенно другим. **Правительство должно в последний раз действительно проявить себя в роли собственника государственной собствен-**

ности. И в этой роли оно должно сделать все возможное, чтобы передать собственность в надежные (насколько возможно) руки.

В 1992 году в российской промышленности насчитывалось 23766 предприятий, из которых 20757 находились в собственности государства или местных органов власти. Многие были превращены в акционерные общества уже в 1993 году, но это фактически коллективная собственность с большой долей акций по-прежнему у федеральных властей. Не так легко заставить директоров всех государственных и постгосударственных предприятий представить правительству краткосрочные и среднесрочные проекты реконструкции своих предприятий для того, чтобы, изучив эти проекты, решить: оставлять ли на месте этих директоров или поменять.

Это не легко, но это нужно. Если возможностей российского правительства сегодня не достаточно, то это может быть той областью, где техническая помощь со стороны развитых стран могла бы быть наиболее плодотворной. В процессе создания и изучения этих проектов, важнейшей задачей является в этой связи подготовка схемы разукрупнения целого ряда технологических монополий. Но, что наиболее важно, с точки зрения проблемы «собственник - директор», необходимо обеспечить атмосферу ответственности директоров перед собственником. Вначале перед реформаторским правительством, затем по мере развития приватизации перед акционерами, которые при этом появятся. Естественно этими новыми собственниками-акционерами могут быть сами директора, если Правительство будет удовлетворено деятельностью управляющих по реконструкции предприятий после определенного срока, в течение которого будет осуществляться мониторинг.

Учитывая запутанность ситуации с приватизацией, мы попытались представить наши предложения в виде последовательных шагов:*

1. Разумеется необходимо выполнить обязательства, которые уже были даны - завершить обмен приватизационных чеков на акции. После этого провозглашается отказ от использования ваучеров для целей приватизации в дальнейшем.

2. В обязательном порядке заключить контракты с управляющими государственных предприятий. В контракте предусмотреть всего 2 пункта: обязанность управляющего не допустить банкротства предприятия и обязательство представить и реализовать план реконструкции предприятия и его подготовки к реальной приватизации.

3. Налоговыми и другими льготами стимулировать передачу работниками предприятий контрольных пакетов акций крупным институциональным инвесторам.

4. Провести ревизию всего законодательства, включая подзаконные акты в направлении установления приоритета частного права. Разработать и принять недостающие законы (*Гражданский и Торговый кодексы и т.д.*) и отменить устаревшие. Законодательство должно быть преимущественно прямого действия с четким механизмом реализации и конкретными санкциями в случае нарушения.

5. Приватизацию государственной собственности проводить только на аукционах (*раньше говорили - нет денег, а теперь они есть и лежат в западных банках*).

Расширить фронт приватизации: дефицитные права, предоставляемые государством коммерческим фирмам необходимо продавать, причем только на открытых аукционах и обязательно

гласно. Например, права на аренду земли в центре крупных городов, лицензии на экспорт и т.д.

6. Организовать систему контроля за деятельностью местных властей со стороны антимонопольных органов. Административными методами необходимо защищать и развивать конкуренцию на рынках товаров, капиталов и труда: выделение мест и контроль за оптовыми и розничными рынками, увеличение числа магазинов, продажа жилья и предоставление земли, вытеснение мафии и т.д.

7. Реорганизовать систему государственной поддержки предприятий агропромышленного и топливно-энергетического комплексов (*крупнейшие дотационные сектора*): поэтапное сокращение дотаций (*официально предупредить о сроках*), организация фьючерсного рынка сельхозпродукции, создание государственных стратегических резервов зерна и нефти для поддержки уровня цен.

8. Создать систему добровольной реорганизации предприятий («добровольные банкротства») при поддержке государства: инвестиции, кредиты, льготы, управленческие кадры.

Для стимулирования добровольных банкротств провести показательные банкротства хронически неплатежеспособных предприятий (*50-100 предприятий за 3 года*). Разрабатывать индивидуальные проекты по добровольным-банкротам, включающие четкие ориентиры:

- реорганизация производства и управления;
- оценка финансово-экономических перспектив предприятия;
- оценка рыночной стоимости предприятия (имущества);
- поиск инвесторов;

---

* Эта схема предложена моим коллегой по ЭПИцентру С.В.Иваненко

- продвижение акций на фондовые рынки.

Еще одной срочной задачей в приватизации является развитие вторичного рынка приватизированных активов. Двойная система цен на большую часть основных фондов и недвижимости должна быть ликвидирована как можно быстрее. В тех же случаях, когда по определенным причинам нежелательно продавать какие-то основные фонды или средства тем, кто предлагает наивысшую цену (*учитывая уже сложившееся очень неравномерное распределение финансовых ресурсов, в значительной мере вызванное неэффективностью политики 1992-1993 гг. и мафизацией*) следует проводить открытые конкурсы с четко определенными и широко публикуемыми критериями и механизмами принятия решений.

2.3 Промышленная политика и государственные инвестиции

«Правительство реформ» было не только первым постсоветским правительством, но также и первым правительством, которое все-таки хотя бы теоретически знало экономику. Если использовать аналогию с шахматной игрой, то впервые мы имели правительство, которое знало как ходят фигуры. Но знать как ходят фигуры недостаточно для того, чтобы выиграть партию. Шахматист должен иметь какую-то стратегию. Правительство в то время говорило, что ситуация настолько не терпит отлагательства, что какая-то игра должна быть начата немедленно, а потом необходимые ходы сами собой придумаются по мере того, как эта ситуация будет развиваться. Но даже шахматный гений вряд ли может выиграть шахматную партию, если будет только отвечать на ходы своего оппонента, не понимая смысла партии в целом. В данном же случае суждение о качестве шахматистов вынесли сами события.

Наш простой пример (см.рис.1 и 2 выше) хорошо это иллюстрирует. Эффект частичной либерализации (в качестве второго оптимального выбора) критическим образом зависит от того, какой сектор был выбран для начала - А или В. Если бы был выбран сектор В, то мы могли бы получить действительно второй оптимум. Выбор же сектора А был хуже чем вообще ничего не делать. Неучет очень слабого обратного воздействия от конечного спроса через технологическую цепочку производства, игнорирование технологических монополий на промежуточных стадиях было огромным просчетом (или неспособностью к экономической политике), и дымовая завеса из «суперлиберализации» может обмануть только того, кто не представляет себе на самом деле, что такое реальность и либерализация цен в России.

Этот технологический аспект провала рынка и Правительства уже отмечается многими отечественными и западными экономистами, поэтому нет необходимости подробно на этом останавливаться. Чистым результатом того политического дизайна (если вообще какой-то был), реализованного в России в 1992 году, было дальнейшее усиление искажений в относительных ценах и консервация неэффективной структуры промышленности. Доля отраслей промежуточных стадий производства в ВВП, уже и без того высокая в российской экономике, выросла еще больше за последние два года, поскольку оптовые цены больше всего росли в первичных отраслях (в топливно-энергетической промышленности, в том числе благодаря высокому внешнему спросу), чем в отраслях срединных (таких как металлургия, химия и нефтехимия), еще меньше в машиностроении и меньше всего в легкой промышленности, только чуть-чуть больше в пищевой. В то же время розничные цены постоянно отставали в

росте по сравнению с оптовыми и разница между этими двумя индексами с 1990 года превысила 3000%.

Причинно-следственная цепочка после либерализации цен, которая произвела на свет эту парадоксальную ситуацию, может быть описана следующим образом. Сохраняющиеся рынки продавца и технологические монополии привели к повышению цен на первичные ресурсы и промежуточную продукцию. На стадии конечного спроса Правительство пыталось, хотя и не последовательно ввести жесткие бюджетные ограничения сдерживая денежные доходы и сокращая государственные закупки вооружения. Здесь начал появляться рынок покупателя, но только на конечную продукцию. Это стало давить в сторону понижения на розничные цены и на оптовые цены в тех отраслях, которые ближе всего стоят к конечному спросу. Эти последние не смогли оправдывать свои издержки и резко снизили уровень производства.

На этой стадии Правительству и местным органам власти пришлось вмешаться. Особенно местные органы власти, которые сейчас отвечают за субсидирование розничных цен, внедрили свою собственную систему субсидий, приведя, в частности, к резкой дифференциации цен по регионам. Например, в июне 1993 г. килограмм хлеба стоил 56 рублей в Нижнем Новгороде, 32 рубля в Самаре и 18 руб. 67 коп. в Ульяновске. Все эти три города находятся в одном географическом регионе и имеют примерно одинаковый уровень дохода. Центральное Правительство должно было компенсировать убытки поставщиков, работающих на конечный спрос. Система субсидий, которая раньше была более менее равномерно распределена по экономике, в настоящее время концентрируется в производстве и продаже продуктов питания в легкой промышленности и оборонном секторе. Правительство также

вынуждено было значительно субсидировать импорт потребительских товаров. Доля субсидий в ВВП находится на уровне около 30%, а льготные кредиты, распределявшиеся в основном контролируемому государством аграрному сектору и топливно-энергетическому комплексу превысили 12% ВВП в 1992 году. Это представляет собой серьезный провал политического дизайна, который в своей основе пытался исходить из либералистского подхода.

Вместо этих самоуничтожающих мер, которые не ведут к реальной структурной технологической перестройке относительных цен, мы предлагаем другой подход, в центре которого будет стоять тщательно продуманная промышленная политика.

Задачей огромной важности является разрушение технологических монополий. Однако в большинстве случаев это сдерживается тем обстоятельством, что гигантские государственные, постгосударственные предприятия, число сотрудников в которых насчитывает в некоторых случаях сотни тысяч рабочих, содержат всю систему жизнеобеспечения крупных городов: жилье, медицинское обслуживание, детские учреждения, учреждения отдыха, даже образование в значительной степени зависит от государственных предприятий, директора которых часто ведут себя как местные феодалы на своих территориях. В то же время эта система в настоящее время уже представляет собой значительную ношу для постгосударственных предприятий.

Результаты нашего исследования в Нижнем Новгороде прошлым летом вскрыли следующую картину. Большая часть государственных и постгосударственных предприятий направляла до 80% своих прибылей на поддержку социальной инфраструктуры. Поэтому первый шаг на пути структурной перестройки, конверсии военно-промышленного комплекса и

разукрупнения монополий должен состоять в том, чтобы отделить социальные инфраструктуры от государственных и постгосударственных предприятий. Многие вещи, в том числе и дробление индустриальных промышленных гигантов на несколько частей, без этого просто не могут быть осуществлены.*

Следующей задачей должно стать создание механизма перераспределения ресурсов между отраслями. Этого механизма сейчас практически не существует. Структура производства быстро меняется в текущих ценах. Но прибыль и убытки в различных секторах экономики практически не ведут к тому, что в одних отраслях открываются новые фирмы, а в других они закрываются. А причина состоит в том, что нет настоящего рынка ни для одного из трех производственных факторов: труда, земли и капитала, что должно быть уже очевидно из всего нашего предыдущего изложения. Поэтому перераспределение ресурсов сможет стать возможным только тогда, когда эти рынки будут созданы и организованы, а также им будут предоставлены финансовые возможности (*о чем в следующем параграфе*) и в выполнении этой задачи государство должно играть самую активную роль.

Формирование рынка труда будет частично достигнуто, когда социальная инфраструктура, в том числе жилье будут отделены от предприятий. Другие шаги в этом направлении должны включать государственную поддержку обучения без отрыва от производства, создание системы поддержки малых и средних предприятий, особенно в сельском хозяйстве, в сфере услуг и т.д.

Рынок на землю не может быть создан без земельной реформы. Хотя некоторый прогресс достигнут в области прекращения действий монополий на сельскохозяйственную

землю государственных колхозов, но тем не менее юридическая ситуация в этой сфере по-прежнему остается очень запутанной и земельная реформа по-прежнему стоит в повестке дня.

Рынок городских и промышленных земель также должен развиваться при соответствующем политическом руководстве со стороны Правительства.

Что касается основного капитала и других капитальных товаров, то приватизационная схема, описанная в предыдущем параграфе, должна создать условия для этого рынка.

Как только эти фонды найдут своих новых полноправных хозяев, будь-то нынешние управляющие постгосударственных предприятий или кто-то иной, их настоящая капитальная стоимость, основанная на ожидаемом потоке будущего дохода может быть определена. Это искоренит нынешнюю двойную систему цен, одна из которых до смешного низка, а другая тоже во многих случаях неадекватна, поскольку включает в себя элементы чисто спекулятивного рынка.

И, наконец, Правительство должно играть активную роль в определении приоритетных отраслей промышленности и формировании будущей промышленной структуры. В решение этой задачи в первую очередь необходимо заложить базу для основательного экономического роста, построенную на этих приоритетах, что является в конечном счете главным условием достижения макроэкономической стабилизации.

Подход с позиции вульгарного либерализма, как мы показали, в настоящее время ведет к гипертрофированному росту первичного сектора и постепенному вымыванию обрабатывающей промышленности. Мы убеждены, что эту тенденцию необходимо

---

* Более подробно с данной проблемой можно ознакомиться в «Нижегородском прологе».

остановить. Россия с ее ресурсами и человеческим потенциалом может и должна быть современной промышленной страной. Но вульгарный либерализм не приведет к этому даже в самом отдаленном будущем. Вместо того, чтобы просто полагаться на рыночные силы, Правительство должно создать серьезную программу развития обрабатывающей промышленности на новой основе, и один из приоритетов с правительственной стороны должен быть в сфере базовой инфраструктуры - строительства автомобильных и железных дорог, средств связи и жилья. Это можно посчитать утопией с учетом нынешнего кризиса в бюджетной сфере, но мы постараемся показать, что это не утопия.

В настоящее время имеется много заводов или, например, шахт, которые настолько устарели по своей технологии и оборудованию, что их дешевле закрыть, чем рестраивать.

До сих пор их искусственно поддерживали прямыми или косвенными правительственными субсидиями из опасения безработицы и социального недовольства. Представляется возможным применить занятые там трудовые ресурсы, например, на строительстве общественного жилья, где мотивацией для самих рабочих будет их доля собственности на вновь строящееся жилье. Это можно сделать без того, чтобы увеличивать при этом бюджетный дефицит. То же самое верно в отношении многих армейских подразделений, потому что в конце концов Вооруженные Силы насчитывают несколько миллионов человек и включают в себя строительные, транспортные войска, войска связи, инженерные войска.

Логика предыдущего параграфа даже еще более универсальна. Верно, что с помощью манипуляций с цифрами Правительство смогло сократить статистический дефицит федерального бюджета до 7-8% ВВП, но расширенный

дефицит, подсчитываемый МВФ, как мы уже отмечали, по-прежнему составляет 20-25% и разница в основном состоит из субсидий, которые не проходят через бюджет, и льготных кредитов. Что действительно в этом плохо, это то, что большая часть дефицита используется практически полностью на потребление и предоставления кредитов для текущих расчетов между предприятиями. Банки, как мы уже тоже показали, используют деньги, которые лежат на счетах предприятий для краткосрочного кредитования, зарабатывая огромные прибыли. Таким образом нынешняя система борьбы с бюджетным дефицитом фактически заменила долгосрочное правительственное государственное инвестирование предоставлением краткосрочных кредитов под текущие операции, на которые к тому же фактическое налогообложение накладывают банки. Если Правительство сможет вернуться к долгосрочному инвестированию не в военное оборудование, конечно, и не в престижные проекты, но на сей раз в развитие основной производственной инфраструктуры и в помощь модернизации приоритетных отраслей промышленности одновременно сокращая свое предоставление оборотного капитала, который только служит консервации экономической неэффективности, оно не увеличит бюджетный дефицит как таковой, подсчитанный правильно, и по крайней мере даст при этом хоть какой-то луч надежды, что этот дефицит в будущем может принести какие-то плоды.

Следующим важным приоритетом должна стать конверсия военно-промышленного комплекса. Много уже было об этом сказано, но достижений очень мало. Освобождение государственных предприятий ВПК от их социальной инфраструктуры это один шаг, другой шаг опять должен состоять из государственной инвестиционной программы, в данном случае

на основе привлечения кредитов. Наконец, что касается выбора других приоритетных отраслей промышленности, политики могут применить следующий двойной критерий, использованный японскими политиками в 50-60-е годы, а именно должны выбираться такие отрасли промышленности, которые, во-первых, имеют наивысший потенциал роста производительности труда, во-вторых, наибольшую эластичность спроса по доходам.

Интересно отметить, что первичный сектор исключается по обоим этим критериям даже без всякого специального исследования. Принимая во внимание также депрессию кейсианского типа, мы в настоящее время можем добавить еще один критерий высокого мультипликативного эффекта.

Конечно, острая необходимость в иностранной валюте будет требовать от Правительства внимания к добыче нефти и другим ресурсным отраслям. Но тем не менее роль этих отраслей в стратегической промышленной политике Правительства (*мы не говорим здесь о реальностях российской нынешней экономики в целом*) должна быть ограничена только обеспечением достаточных экспортных поступлений, чтобы покрывать наиболее острые государственные нужды. Если Правительство сможет провести в жизнь такую промышленную стратегию, то в конечном счете оно сможет добиться и изменения реальной рыночной картины и первичный сектор будет заменен в своей роли главного экспортного потенциала России обрабатывающей промышленностью.

2.4. Банковская система, деньги и сбережения

Мы уже несколько раз отмечали, что экономический рост необходим для того, чтобы стабилизировать финансовую систему страны и ее валюту. Но есть очень важное обратное

воздействие финансовой системы на рост. Особенно в нынешних российских условиях будет невозможно достичь роста и структурной перестройки, если политика в сфере реальной экономики, очерченная выше, не будет дополняться адекватными мерами в финансовой области.

Мы не говорим здесь о стандартной стабилизационной программе. Она уже провалилась и я думаю теперь понятно почему. В том, что последует дальше, я хочу использовать логику, впервые представленную И.Шумпетером в его знаменитой «Теории экономического роста». Его концепция экономического роста основывалась на представлении об «инноваторе», который может реализовать какую-то новую комбинацию ресурсов, для того чтобы производить более эффективно, чем позволяет нынешняя технология общего равновесия. Реализуя эти новые комбинации, инноваторы зарабатывают прибыль, которая затем вытесняется благодаря появлению у них огромного количества подражателей, но вытесняется только для того, чтобы закончить свой путь в возросших платах за «первичные факторы производства», т.е. в повышении чистого экономического благосостояния. Но для того чтобы реализовать эти новые комбинации, предпринимателям нужно иметь ликвидные ресурсы с тем, чтобы первоначально предложить «факторам производства» более высокие цены и перебить их у менее эффективных производителей.

Генеральное течение монетарной теории обычно рассматривает процесс создания денег и функционирования банковской системы на макроэкономическом, т.е. агрегированном уровне. Для И.Шумпетера же роль банков состояла главным образом в том, чтобы позволять быстро перебрасывать ресурсы между отраслями, предоставляя ликвидные средства

потенциальным инноваторам. Другими словами банки не просто создают деньги. Создавая деньги, они одновременно осуществляют необходимое перераспределение реальных ресурсов в экономике. Эта точка зрения практически полностью утеряна в нынешнем генеральном течение макроэкономического анализа, которое по-прежнему вслед за Ирвингом Фишером считает, что «Денежная инфляция не может увеличить продукцию ферм и фабрик, не может ускорить движение поездов или судов. Поток бизнеса зависит от естественных ресурсов и технических условий, а не от количества денег» (*I.Fisher, «Покупательная способность денег», 1912, р.155*). Это неверно, если «инфляция денег» сопровождается их перераспределением от одних пользователей к другим, особенно в условиях огромного потенциала, для того чтобы улучшать экономическую эффективность. Именно такая ситуация характерна для российской экономики сегодня.*

Коммерческие банки, которых в настоящее время в России насчитывается почти 2000, предоставляют только краткосрочные кредиты. Ничего другого нельзя от них ожидать в экономике, где годовые темпы инфляции измеряются четырехзначными цифрами. Реальные процентные ставки выросли существенно в 1993 году, но по-прежнему остаются отрицательными. В то же время банковская система сохраняет высокую прибыльность, которая достигается следующими тремя путями:

во-первых, многие кредиты чрезвычайно краткосрочны - от одного до трех месяцев - и по отношению к ним применяется значительно более высокий процент;

во-вторых, процентные ставки по депозитам естественно ниже, чем процентные ставки по кредитам, а банковская система имеет юридическую монополию на расчеты между

промышленными предприятиями. Поэтому для банков достаточно просто предоставлять кредиты с маржой по отношению к тому проценту, который платится по расчетным счетам предприятий (возможно, что широкое распространение межфирменного кредита - проблема неплатежей - частично может быть объяснена желанием предприятий избежать этого фактического налогообложения со стороны банков);

в-третьих, многие крупные банки эффективно комбинируют рублевые и долларовые кредиты, повышая тем самым эффективную процентную ставку. Известны случаи, когда предприятия, которым нужны были рублевые средства, получали банковские кредиты, которые на 50% состояли из долларов. Например, в течение трех месяцев лета 1993 года, когда курс рубля по отношению к доллару был стабильным, а рублевые процентные ставки составляли 200%, это означало, что 200% применялось также и к долларовому кредиту.

Все эти средства служат какой угодно цели, кроме той самой главной, которую должна выполнять банковская система в нынешней российской экономике. Поэтому Правительству совершенно срочно необходимо создавать систему государственных и частных банков долгосрочного кредитования. Долгосрочные кредиты в настоящее время предоставляются Центральным банком, распределяются через коммерческие банки в основном через ту их часть, которую представляют собой бывшие правительственные банки и коммерциализированные

---

* Одна страна, в которой И.Шумпетер был и по-прежнему остается гораздо более популярным экономистом, чем в других развитых странах, это опять-же Япония. И поэтому, может быть, не совсем случайно, что именно Япония создала систему государственных и частных банков долгосрочного кредитования, которые представляют собой совершенно уникальную среди других индустриальных наций систему и которая была одним из важнейших факторов, обеспечивших экономическое чудо.

в 1991 году, что делает их весьма политическими по своему характеру и не гарантирует эффективного исследования или мониторинга. Эта система должна быть заменена системой государственных и частных долгосрочных финансовых институтов, которые бы работали при правительственной поддержке и координировали свою деятельность с Всемирным банком и Европейским банком реконструкции развития и другими международными финансовыми институтами, желающими помочь России профинансировать ее долгосрочную перестройку экономики. Опять же ноу-хау японской финансовой системы в этой области могло бы очень сильно пригодиться. Западная финансовая помощь долгосрочному развитию и конверсии могла бы также направляться через эти долгосрочные кредитные институты с неперменным участием экспертов стран-доноров в отборе проектов и мониторинге их реализации.

Другая задача, которая является крайне важной, чтобы эти долгосрочные проекты в конечном счете финансировались не бюджетным дефицитом, а из частных источников, состоит в том, чтобы наращивать личные сбережения. Сбербанк традиционно был и в значительной мере остается монополистом в аккумуляции небольших личных индивидуальных капиталов. Однако процентные ставки по их депозитам до смешного низки. Если деньги, которые будут аккумулироваться через Сбербанк, направлять в долгосрочные инвестиционные проекты, то эти процентные ставки и повышать будет нельзя. Специальные сберегательные депозиты, платежи по которым осуществлялись натурой (*например в автомобилях*), были испробованы в последние годы Советского Союза, но практический отказ государства от своих обязательств резко снизил доверие к ним. И тем не менее может быть новому Правительству стоит попробовать вновь их внедрить, дав на сей

раз полные государственные гарантии против обмана.

Опыт самой России 20-х годов возможно может также быть использован в качестве средства стабилизации валюты и стимулирования сбережений. Этот опыт сводился к введению новой параллельной валюты полностью обеспеченной ликвидными резервами, драгоценными металлами и твердыми валютами. Мы уже упоминали о том, что необходимость в стабильной денежной единице очень широко ощущается в опережающейся рыночной экономике в России сегодня.

Этот вакуум частично сегодня заполняется американским долларом и немецкой маркой, но гораздо разумнее было бы иметь национальную валюту, которая была бы в международном плане стабильна и полностью конвертируема. Права выпуска такой валюты не должны даваться ни одному из ныне существующих центральных банков в бывшем СССР, включая Банк России, но специально создаваемому Банку, которым бы руководила группа абсолютно политически независимых профессионалов.

Новые деньги должны вводиться в экономику очень осторожно и постепенно, для того чтобы сохранять фиксированный обменный курс между ними и какой-то отдельной твердой валютой или корзиной таких валют. Первоначальные средства могут быть предоставлены за счет стабилизационного фонда рубля, о котором идет много дискуссий, но который так и обречен оставаться не более чем фантомом в условиях, когда рубль практически неограниченно используется без всяких пределов просто для покрытия текущего дефицита госбюджета и кредитов Центрального банка под оборотные средства. Эти новые деньги уже в силу своей стабильности постепенно, но верно вытеснят все мягкие валюты, включая вероятно и сам сегодняшний российский рубль. Эффект, который в 20-х годах

был получен менее чем за 2 года.

2.5. Полуоборот во внешнеэкономической деятельности

То, что мы предлагали до сих пор, это не полуоборот в сторону роста, который сегодня предлагается кое-кем из правительства и оппозиционных политиков, но скорее просто введение совершенно другой принципиально новой стратегии переходного периода, такой, которая будет подчеркивать активную роль правительственного вмешательства в процессы приватизации, делать упор на развитие национальной индустрии и создавать финансовую систему поддержки сбережений, капиталовложений и роста, что является единственным путем к действительной финансовой стабилизации. Но одна область, в которой мы действительно выступаем за полуоборот - это внешнеэкономические отношения. Россия не может существовать как замкнутая экономика. Без открытия экономики не может быть эффективной перестройки, не может быть настоящей конкуренции, не может быть профессионального роста у директоров российских предприятий. Но этот процесс должен быть также эффективно организован.

Начнем вновь с простого теоретического упражнения. Представьте себе национальную индустрию, которая до сих пор защищалась от конкуренции с помощью импортных субсидий, направленных на один промежуточный компонент, поставляемый из-за рубежа.

На левой части рисунка 3 линия S^*S^* представляет собой бесконечно эластичную мировую кривую предложений конечного продукта этой отрасли (включая транспортные расходы). SS - это отечественная кривая предложений, а DD - это кривая отечественного спроса. С импортной субсидией,

направленной на промежуточный компонент, кривая предложений смещается с позиции SS в позицию $S'S'$ и весь внутренний спрос покрывается с помощью отечественного производства q_d . Чистое благосостояние (т.е. сумма избытка потребителя и производителя минус размер импортной субсидии) измеряется разницей между площадью фигуры DES' и фигуры $KLS'S$.

Представим себе теперь, что субсидия снята, как часть перехода к режиму полного невмешательства в свободную торговлю. Отечественное производство сокращается до количества q_d . Весь остальной спрос удовлетворяется за счет импорта готовой продукции. Действительно устраняются расходы на субсидирование (в размере площади $KLS'S$), но уничтожается избыток производителя измеряемой площади фигуры $STES'$, т.е. он также передается зарубежным производителям. Не ясно сразу представляет ли собой такое изменение улучшение общественного благосостояния или же наоборот его снижение. Именно поэтому мы и говорим, что практическое решение должно быть основано на конкретном изучении, а не на механическом применении какого-то догматического представления.

Правая часть рисунка 3 еще более интересна. В этом случае отрасль, о которой идет речь, имеет эффект масштаба. (Эффект масштаба по типу маршалловской внешней экономии, которая совместима с идущей к верху слева направо кривой предложения. Маршалловская внешняя экономия - это такая ситуация, когда для каждой индивидуальной фирмы издержки возрастают по мере роста производства, а когда фирм становится много, т.е. растет общий выпуск продукции благодаря лучшей информации, более эффективному обмену, в целом издержки для отрасли снижаются. Чем интересен это случай, что он

совместим с совершенной конкуренцией, т.е. ни одна фирма не может вытеснить другую, потому что каждая из них, когда пытается сама расширить свое производство, она сталкивается с возрастающими издержками, все в целом они достигают снижения.). Здесь, когда субсидия ликвидируется и конкуренция со стороны импорта сокращает отечественное производство, кривая внутреннего отечественного предложения смещается еще выше в положение $S''S''$. При этой ситуации данная отрасль промышленности просто полностью перестает существовать в отечественной экономике.

Конечно, здесь может быть приведено такое возражение, что это не может произойти одновременно со всеми отраслями промышленности, поскольку в таком случае дефицит текущих статей платежного баланса приведет к падению обменного курса рубля и восстановлению конкурентоспособности каких-то из этих отраслей. Но это слишком примитивное соображение с точки зрения общего равновесия не принимает во внимание целый ряд важных факторов.

Во-первых, в условиях неполной обратимости, о которой мы говорили выше, может быть довольно большая переходная зона, при которой падение обменного курса и жизненных стандартов, необходимых для того, чтобы вновь возродилась та промышленность, которая однажды была уничтожена, может быть слишком большим для того, чтобы на него всерьез можно было полагаться.

Во-вторых, этот аргумент не принимает во внимание системную жесткость (например, возможность спада кейнсианского типа, о чем тоже уже говорилось ранее). Первоначальное сокращение отечественного производства вызовет порочный круг снижения доходов, безработицы и дальнейшего снижения производства.

В-третьих, в нынешней ситуации большой финансовой поддержки с Запада, которая идет на покрытие расходов по импорту, (*13 млрд. долларов в 1992 году*) просто трудно сказать какой же потолок существует для дефицита текущих статей платежного баланса.

Наш общий вывод состоит в том, что мы не можем полагаться на перестройку, продуцируемую только валютными курсами и ценовым механизмом. Здесь, так же как и в случае с промышленной политикой, это должно дополняться стратегией укрепления конкурентоспособности национальной промышленности, включая экспортные и импортные субсидии там, где необходимо. Мы в данном случае не выступаем за протекционизм, но серьезное внимание должно быть уделено условиям каждой конкретной отрасли промышленности и их важности для стратегической перестройки и роста национальной экономики. Субсидирование импорта, так же как и меры по стимулированию экспорта должны быть всегда, во-первых, целенаправленными, во-вторых, временными, т.е., если в данный момент отечественная промышленность работает с большими издержками, чем иностранные конкуренты, в то время как Правительство считает необходимым предотвратить исчезновение этой промышленности полностью, оно не должно сомневаться, когда вводит протекционистский тариф. Но этот тариф должен действовать не более чем, скажем, 5 лет и его ставка должна каждый год постепенно снижаться в соответствии с публично декларированным строго выдерживаемым расписанием.

В то же самое время Правительство должно поддерживать приоритетные отрасли промышленности в том, чтобы они развивались и открывали себе экспортные рынки, чтобы полностью использовать их масштабы и способствовать накоп-

лению валютных резервов.

Еще одна срочная задача в регулировании внешнеэкономических отношений. Она касается того, что надо остановить утечку капитала. Россия получила свыше 13 млрд. долларов в прошлом году в виде западной финансовой помощи, но отток капитала оценивается еще выше - 15-17 млрд. Российские банки имеют сейчас примерно 7 млрд. долларов на своих депозитах в иностранных банках, российские предприятия - 10-12 млрд. Никакая сильная рука не сможет сегодня вернуть эти капиталы обратно в страну в условиях, порожденных коллапсом политической системы, фактически открытыми границами и общим состоянием вещей, к которым уже привела вульгарная либерализация. Но поскольку все это силой не делается, нужно достичь этого с помощью экономической мотивации. В этом смысле введение новой конвертируемой валюты, которая бы находилась под контролем Независимого резервного банка по тому образцу, который был предложен в предыдущем параграфе, может очень помочь. Если эта новая валюта сможет привлечь обратно активы в иностранных валютах экономических субъектов, то это даст огромный толчок экономическому возрождению и, учитывая необычайно широкие возможности для инвестиций, сможет обеспечивать достаточно высокие процентные платежи, которые сделают уже просто невыгодным хранить иностранную валюту в банках за пределами России. Одним из возможных механизмов такого возврата валютных средств может быть продажа валютных облигаций, выпускаемых тем резервным банком, который будет вводить новую валюту, и, может быть, также некоторыми долгосрочными кредитными институтами.

2.6. Российская Федерация и СНГ

В заключение этого раздела мы хотим остановиться на

проблемах Российской Федерации и СНГ. Задача заключается в том, чтобы заменить хаотическую и разрушительную дезинтеграцию организованной децентрализацией власти, дополняемой координированным регулированием в сферах, которые должны регулироваться.

Ясно, что истинные системные и структурные изменения должны в первую очередь и главным образом протекать снизу. Но роль политического руководства состоит в том, чтобы организовать эти изменения и дать им определенное направление. Это относится не только к экономическим проблемам, но и к проблемам политической организации государства в первую очередь. То, что сейчас происходит в этой сфере, как широко признано, является одним из главных препятствий на пути экономической реформы, хотя, как показывает наш экономический анализ, важность этой сферы несколько преувеличивается.

Первый советский реформаторский режим Президента Михаила Горбачева начал глубокую политическую трансформацию, но вынужден был уйти из-за того, что так и не приступил к настоящей экономической реформе. Новый же реформаторский режим Президента Бориса Ельцина впал в другую крайность. Ни одного шага в продолжении процесса политической трансформации не было предпринято его Правительством в течение двух лет. В результате реформаторский процесс вновь зашел в тупик, попытка выхода из которого была связана с кровопролитием в октябре 1993 года. Мне уже приходилось сравнивать процесс трансформации постсоциалистических обществ с ездой на велосипеде. Левая педаль - это политическая, а правая - это экономическая реформа. Если вы перестаете крутить одну из педалей, вы немедленно опрокидываете велосипед.

Тема политической реформы в целом выходит за рамки

данной работы, но некоторые политические инициативы абсолютно необходимы, чтобы трансформационный процесс, описанный в предыдущих подразделах, начал осуществляться (см. более подробно «Нижегородский пролог»).

Во-первых, должно быть принято решение о форме федерации. Это включает вовсе не только разделение властей законодательной и исполнительной, но, что гораздо более важно, распределение власти между центром и регионами. Противиться децентрализации бессмысленно - она необходима и политически, и экономически. То, что делегированы полномочия местным органам власти в отношении многих аспектов приватизации, ценовой политики и социальных программ - это шаги в правильном направлении, но парадокс нынешней юридической ситуации в том, что слишком много важных функций находится в «совместном ведении». С нашей точки зрения Центральное Правительство должно сохранить достаточно власти и рычагов в отношении гетерогенных российских регионов, чтобы иметь возможность эффективно противодействовать хаотической дезинтеграции, которая в конечном счете будет опасной для всех регионов, составляющих Российскую Федерацию, без исключения. Конечно, какое-то время богатый зерном юг или богатая нефтью Сибирь смогут игнорировать индустриальные центры Волго-Вятки или Северного Урала, но дезорганизация в г. Арзамас-16 или г. Челябинск-5, расположенных именно в этих регионах, может уничтожить всю страну и большую часть Европы.

Реальности российской промышленности и инфраструктуры таковы, что они, так же как и ее военная машина, будут вызывать необходимость сильной координирующей и контролирующей роли государства еще на многие годы.

Что касается чисто экономических аспектов трансформа-

ционного процесса, наша точка зрения состоит в том, что координация должна осуществляться не только в России, но во всем СНГ. Экономики всех новых независимых государств по-прежнему настолько взаимно переплетены, что, особенно учитывая неполную обратимость промышленности, гораздо дешевле постепенно отменять существующую систему разделения труда, чем уничтожить ее одномоментно. А понимание этой истины в настоящее время распространяется по всей территории бывшего Советского Союза.

Пограничный контроль между бывшими советскими республиками практически не существует, поэтому важно не увлекаться попытками создания таможен на взаимных границах и вместо этого создать Таможенный союз, используя хорошо оборудованные, приспособленные к этому границы бывшего Советского Союза.

Экономические связи предприятий, расположенных в разных новых независимых государствах, не должны подвергаться никакому регулированию, ограничениям, так же как и перемещению товаров, труда и капитала. Самоуничтожающие попытки введения национальных валют должны быть прекращены, по крайней мере приостановлены на несколько лет. Существование единой общей валютной территории в интересах всех республик, включая Россию. Однако как сформировать эту территорию - деликатная проблема. Экономический потенциал Российской Федерации настолько подавляюще велик, что де-факто она все равно будет играть лидирующую роль в любом многостороннем соглашении, но если другие новые независимые государства заподозрят нечестную игру или будут сталкиваться с прямым диктатом со стороны российского Правительства, как в некоторых последних предложениях касательно рублевой зоны, проблемы общей

валюты становятся резко политизированы и практически не разрешимы.

Кроме того, совершенно не ясно ни с какой точки зрения, почему именно российскому Правительству и Центральному банку России, который позволил инфляции достичь 2600% в прошлом году, следует доверить задачу поддержания ценности общей валюты.

В этом плане наши предложения введения новой конвертируемой валюты, контролируемой независимым резервным банком или Банковским союзом, например, могут быть одним из путей, позволяющим избежать эти трудности. Специальный банк для взаимных расчетов между странами СНГ тоже может быть создан на основе западных кредитов, конвертируемых в эту новую валюту. Упрощение расчетной процедуры между странами СНГ может быть важным шагом на пути экономического возрождения.

В 1991 году мы предложили и подготовили Договор об Экономическом сообществе, который был подписан в октябре руководителями 10 республик - новых независимых государств. В начале декабря лидеры России, Украины и Беларуси, встретившись в Минске, решили пойти по иному пути. Они были настолько преисполнены энтузиазма относительно новой договоренности, которая забрела в их головы, что даже не остановились перед тем, чтобы дезавуировать свои подписи на предыдущем обязательстве. Впрочем, это всего лишь один из такого рода поступков в цепочке бесконечных отказов от предыдущих обещаний и политических заявлений. Все это, к сожалению, не началось и не закончилось тогда.

Сам ход истории за последние два года доказал, что мы были правы, настаивая на экономическом союзе. В настоящее время те же самые политики снова начинают говорить по другому.

Даже им уже становится очевидно, что невозможно осуществлять эффективную реформаторскую политику в странах без границ и таможен, без валюты и финансовой системы, без законности и правопорядка с нарушенными внутри и межотраслевыми связями, и это еще дополняется дюжинами самопровозглашенных суверенных регионов, президентов мелких регионов, этническими и гражданскими конфликтами во многих частях того, что было недавно единой страной и до сих пор остается в значительной мере единым целым в качестве территории проживания.

Экономический договор между республиками бывшего СССР в сентябре 1993 года подписан во второй раз, два года спустя. Ясно, что успешных реформ без него не осуществить. Захотят ли нынешние политики, чтобы он действовал? Не знаю, не уверен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимость нового теоретического подхода

Недавно крупнейший специалист в области экономики постсоциалистических стран профессор Янош Корнаи заявил, что «многие из нас сыты по горло наклеиванием ярлыков, которое стало доминирующим в экономических дискуссиях. Догматическое применение полупереваренных экономических теорий ... имеет токсичный эффект на объективные исследования». «Мне надоело, когда меня называют то консерватором, то чикагским мальчиком. Глупо сидеть в идеологических окопах, когда ясно, что реформы проваливаются,» -добавил он.

Мне кажется, я показал, что к сожалению еще более токсичным этот эффект оказался для практики реформ по крайней мере в России и бывшем СССР. Всех, кто говорил что-либо отличающееся от политики стабилизации бюджета, называли консерваторами или, в лучшем случае, институционалистами, которые не представляют себе основных истин экономической науки. Правда, что большинство практических экономистов в России знает очень мало о генеральном направлении экономического анализа, но генеральное направление экономистов очень мало знает о российской экономике. Как легко себе представить, одно не является заменой другого. Противоречие между практиками и макроэкономистами в России на самом деле являет собой спор о том, верхнее или нижнее лезвие ножниц разрезает лист бумаги. Истина состоит в том, что как отмечал А.Маршалл, нам нужны оба лезвия, конечно не как механическое собрание обоих типов в правительственной коалиции, которая руководит Россией с мая 1992 года, но как органический синтез обоих подходов,

приводящих в первую очередь к новому типу экономического мышления.

Позвольте немножко подробнее на этом остановиться. Когда Д. Кейнс представил в 1936 году свой труд жизни в области экономики, он назвал его «Общей теорией занятости, процента и денег» для того, чтобы подчеркнуть, что он имел дело с более общим теоретическим построением, чем построение неоклассической школы, которая покрывала только один особый случай его теории. Хотя в последующих дискуссиях между кейнсианцами и неоклассиками некоторые экономисты считали, что это заявление Кейнса как раз следует перевернуть на 180 градусов, что его теория как раз представляет собой частный случай неоклассического анализа, но тем не менее общая теория, которая бы покрывала тот случай, когда на рынках не устанавливается равновесие спроса и предложения, по-прежнему остается весьма актуальной.

Есть однако еще один набор предпосылок, который не подвергается сомнению ни в неоклассической, ни в кейнсианской экономической теории - предпосылки относительно базовой институциональной системы самой рыночной экономики. Генеральное течение экономического анализа начинается с довольно стандартных «аксиоматических» представлений, которые включают в себя рационального потребителя: производителя, который максимизирует прибыль; Правительство, которое озабочено тем, что максимизирует какую-то функцию общественного благосостояния, и т.д.

Более того целый ряд очень важных реквизитов для такого анализа вообще даже не упоминается среди основных аксиом, но просто молчаливо предполагается как само собой разумеющиеся. Это включает в себя много из того, что мы обсуждали в настоящей работе, в частности, институциональные отношения

собственности; сама концепция рынка, где встречаются и свободно торгуют продавцы и покупатели; существование финансовых посредников, которые играют в соответствии с определенными правилами, и частных агентов, на которых имеют воздействие ликвидные ограничения, и т.д.

Если немного поразмышлять, то наверное любой экономист согласится, что стандартный анализ должен быть изменен самым радикальным образом, если, например, можно приобретать товары не только с помощью торговли или производства, но с помощью связей, договоренностей или даже воровства, т.е. если издержки подобного рода сделок не являются запретительно высокими. Но на практике всему этому уделялось очень мало внимания.

Возможно, что все это можно игнорировать в анализе развитых экономик.*

Надеюсь, я показал, что, по крайней мере, все это очень важно для переходных экономик или для экономик многих развивающихся стран. Переосмысление экономического развития в постсоциалистических странах за последние 2-3 года по-моему требует создания еще одной общей теории, которая включала бы институциональные параметры и общие правила игры среди переменных, а не среди данных.

В намерение автора данной работы на этом этапе не входило даже предлагать Введение к такой теории. Ситуация меняется каждый день и, находясь в эпицентре событий, мы считаем разумным беспристрастно и объективно продвигаться к более глубокому пониманию некоторых практических явлений. Упомянув эту тему сегодня, мы хотели бы привлечь внимание экономистов к тому, что касается проблемы **экономик переходного типа**. Нам нужно развивать диалог между так называемыми институционалистами и генеральным направле-

нием экономического анализа.

Трансформация российской экономики сегодня дает уникальную историческую возможность наблюдать за тем, как создаются рыночные институты и какое воздействие они могут иметь на эффективность и жизнеспособность нового рыночного механизма.

Совет советникам

В заключение позвольте мне сказать несколько слов, специально предназначенных для тех экономистов (*в том числе и на Западе*), которые хотят помочь России в ее переходе к рыночной экономике. Я в высшей степени высоко оцениваю теоретический багаж многих западных советников и специалистов и МВФ, и Всемирного банка. Но я бы хотел напомнить им об одном предупреждении великого учителя их учителей покойного профессора И.Шумпетера, который написал однажды, что чистый экономист-теоретик никогда не должен участвовать в вопросах практической экономической политики. Предупреждение, частично основанное на его собственном горьком опыте в качестве австрийского министра финансов после первой мировой войны.

Научные основания могут быть одновременно найдены для нескольких наборов диаметрально противоположных стратегий (*возьмем в качестве примера противоречия между сравнительным преимуществом и неполной обратимостью, о чем шла речь выше*). Так вот, это вопрос политической интуиции, чьему совету следовать или, что является наиболее распространенным случаем, какую смесь приготовить из

---

* Давайте попробуем сравнить эффективность итальянской и немецкой экономики, а затем зададимся вопросом: не существует ли тут какой-то причинной связи между качеством экономики и уровнем коррупции в этих двух странах.

различных советов, для того чтобы выработать тот единственный набор политических мер, который сможет вывести экономику из кризиса. Я не чистый теоретик, хотя надеюсь я понимаю некоторые теоретические проблемы рыночной экономики. Но если я когда-либо буду во главе российского правительства, то я буду следовать моей экономической и политической интуиции в первую очередь, и никогда не позволю, чтобы мною руководила теоретическая концепция, превращенная в не подлежащую обсуждению догму. Это то, что я хочу, чтобы все мои читатели поняли, а почему я так говорю, думаю я достаточно объяснил в основном тексте данной работы. Но кроме того, в советах российским реформам были допущены такие ошибки, которые даже самый чистый из всех теоретиков никогда не мог допустить, если бы он хоть чуть-чуть задумался. Я хочу привести только несколько примеров.

В 1992 году российское правительство провозгласило либерализацию цен в качестве своего основного приоритета. Утверждалось в том числе западными советниками и средствами массовой информации, что это был кратчайший путь к правильным рыночным равновесным ценам, но все знают и знали тогда, что на 99% структура рынка в российской промышленности была такой, как она описана в этой работе. Экономическая теория недвусмысленно говорит, что в этом случае свободные цены не ведут к оптимальному результату, и рекомендует жесткий контроль за ценами государственных монополий.

Одновременно Правительство провозгласило и МВФ одобрило Программу финансовой стабилизации, которая означала стабилизацию содержания рубля и остановку инфляции. Но в то же самое время, тоже с благословения большинства западных экспертов, Советский Союз был

ликвидирован и 12 министерств финансов и 12 центральных банков появились для работы с одной и той же рублевой валютой, не имея ни малейших договоренностей друг с другом. Более того, стараясь конфронтировать между собой. Экономическая теория недвусмысленно в этом случае говорит, что вы не можете стабилизировать валюту, когда вы не контролируете ее предложение.

Наконец, надежда Правительства и госссоветников состояла в том, что свободные цены приведут к структурной перестройке, когда расширяющийся спрос потребителей в одних отраслях будет вести к их росту, а сокращение потребительского спроса в других приведет к их падению. Но в то же время политика сдерживания индивидуальных доходов была провозглашена по всей видимости для того, чтобы не допустить спирали между зарплатой и ценами. Так вот экономическая теория недвусмысленно утверждает, что в условиях достаточной жесткости цен и заработной платы (а никто не будет отрицать наличие негибкости цен и заработной платы в переходной экономике) сокращение эффективного спроса ведет к падающей спирали в производстве и доходах. Это именно то, что и произошло.

Я мог бы расширять этот список практически неограниченно. Но позвольте мне на этом остановиться. Я всегда чувствовал себя как-то неловко, когда начинал задумываться над причинами такого безответственного поведения некоторых моих коллег, в том числе и среди западных экспертов и советников. Я пришел к очень грустному заключению - им, как правило, все равно. Лишь бы больше шума и хотя бы мимолетной славы.

В феврале 1992 г. в начале еще одной реформаторской попытки я помню свой разговор с одним таким счастливым

советником в Давосе. Я сказал ему тогда, что он допускает серьезную ошибку, потому что Россия это не девка, с которой можно провести время, а затем пойти к кому-то еще. В старорежимной России инженеры, которые строили мосты, должны были стоять под ними, когда через мост проезжал первый поезд. Вы или ставите свою жизнь на эту трансформацию, или лучше займитесь чем-то другим. Я бы хотел, чтобы все советники, которые так мало думают о тех странах, которым они пытаются помочь, что даже не могут правильно мыслить теоретически, оставались дома.

*****

Мы представили в этой работе два различных подхода к трансформации постсоциалистической экономики в применении к специальному, но особенно сложному и даже опасному случаю в России. Мы показали, к чему привел режим вульгарной либерализации. Мы набросали, хотя очень не полно, что, мы считаем, могло бы быть схемой политического дизайна, который бы направил этот трансформационный процесс в правильное русло.

И мы, и наши оппоненты выступаем за либерализацию, но есть два разных типа либерализации. **Вульгарная либерализация привела к высвобождению сверхмонопольных монстров, традиций, отношений, систем и связей командной экономики. Мы же хотим свободы общества от такой экономики.**

Российская революция 1917 года во многом сформировала драматическую историю XX века. Оставим ли мы на свободе монстра тоталитарной экономики в России или же на сей раз России действительно удастся превозмочь его - в значительной мере определит, как будет выглядеть история человечества в XXI веке. Это есть тот угол зрения, с которого мы смотрим

на происходящие ныне процессы, и тот критерий, по которому оцениваем свои политические решения.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

- С.Брагинский. Денежно-кредитная политика в Японии. М., Наука, 1989.
- С.Брагинский, Я.Певзнер. Политическая экономия. М., Мысль, 1991.
- Й. Шумпетер. Теория экономического развития. М., Прогресс, 1984.
- Центр экономических и политических исследований (ЭПИцентр). Серия докладов «Экономическая политика в России». NN 1-13 (июль 1992 - август 1993).
- Центр экономических и политических исследований (ЭПИцентр). Серия докладов «Политическая ситуация в России». NN 1-6 (ноябрь 1992 - май 1993).
- Г.Явлинский, Т.Ярыгина. Цены и компенсации. М., 1990.
- С.Шаталин, Н.Петраков, Г.Явлинский и др. 500 дней. Переход к рынку. М., 1990; Нью-Йорк, 1991; Дюссельдорф, 1991.
- Г.Явлинский и др. Согласие на шанс. М., 1991; Нью-Йорк, 1991.
- Г.Явлинский и др. Диагноз. М., 1992; Бостон, 1992.
- Г.Явлинский и др. Правда об экономике России (СНГ). Токио, 1992.
- Г.Явлинский и др. Нижегородский пролог. М., 1992.
- R.Baldwin and P.Krugman. Persistent Trade Effects of Large Exchange Rate Shocks. The Quarterly Journal of Economics, Vol.54, No.4, 1989.
- S.Braguinsky. A Criticism of Monetarism. With Some Points from the Japanese Experience. Keio Economic Studies, Vol.XXV, No.2 (1988).
- S.Braguinsky, Y.Maeda and Y.Sakai. An Overlapping-Generations Model with Two Fiat Monies. Forthcoming.
- A.Dixit. Entry and Exit Decisions under Uncertainty. Journal of Political Economy, Vol.97, No.3, 1989.

- I.Fisher, assisted by Harry G.Brown. The Purchasing Power of Money, Its Determination and Relation to Credit, Interest and Crises. Macmillan, 1912.
- D.Fudenberg and J.Tirole. Game Theory. The MIT Press, 1991.
- E.Helpman and P.Krugman. Market Structure and Foreign Trade. Increasing Returns, Imperfect Competition and the International Economy. The MIT Press, 1985.
- D.Hume. Political Discourses. 1752.
- R.Jones. The Origin and Development of Media of Exchange. Journal of Political Economy, Vol.84, No.4, 1976.
- D.Kreps. A Course in Microeconomic Theory. 1991.
- J.M.Keynes. The General Theory of Employment, Interest and Money. London, 1936.
- J.Kornai. Transformational Recession. Francois Perroux Lecture, 1993.
- P.Krugman. Geography and Trade. 1992.
- A.Marshall. Principles of Economics. An Introductory Volume. Macmillan, 1966.
- T.Negishi. General Equilibrium Theory and International Trade. North-Holland, 1972.
- T.Sargent. Credit and Currency with Overlapping Generations. Ch.7 in Dynamic Macroeconomic Theory.
- T.Sargent and N.Wallace. The Read-Bills Doctrine versus the Quantity Theory: a Reconsideration. Journal of Political Economy, Vol.90, No.61 (1982).
- J.A.Schumpeter. History of Economic Analysis. Allen and Unwin, 1954.

